

Календарная
обрядность
украинцев Боснии
и Герцеговины:
этнолингвистический
аспект

Calendrical Rites
of Ukrainians
in Bosnia and
Herzegovina:
The Ethnolinguistic
Aspect

Глеб Петрович Пилипенко

Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

Gleb P. Pilipenko

Institute for Slavic Studies of the
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

В статье впервые рассматриваются обряды и обычаи календарного цикла украинцев, проживающих в Боснии и Герцеговине, а также лексика традиционной культуры, связанная с календарной обрядностью. Материалом для статьи послужили собственные полевые данные автора, использовалась также лингвистическая, этнографическая и этнолингвистическая литература. Календарные традиции и лексика традиционной культуры украинцев Боснии и Герцеговины представляют для контактологических лингвистических и этнолингвистических исследований большой интерес, поскольку являются одним из немногих примеров функционирования восточнославянского анклава в окружении южных славян. Украинские обычаи, несмотря на более чем вековое изолированное существование в окружении южнославянских соседей, сохраняются и становятся маркером культурной идентичности данного этнического меньшинства в Боснии и Герцеговине. Влияние местных

Цитирование: Пилипенко Г. П. Календарная обрядность украинцев Боснии и Герцеговины: этнолингвистический аспект // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 338–371.

Citation: Pilipenko G. P. (2020) Calendrical Rites of Ukrainians in Bosnia and Herzegovina: The Ethnolinguistic Aspect. *Slověne*, Vol. 9, № 2, p. 338–371.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.2.15

христианских традиций не настолько сильно, больше всего оно проявляется в сфере языка при заимствовании культурных реалий. Установлено, что определенные обычаи являются типологически общими для изучаемой западноукраинской и южнославянских традиций, при этом данная общность была характерна еще до миграции украинцев на Балканы. Выявлены также внутрилокальные отличия в традициях и лексике украинцев Боснии и Герцеговины, обусловленные разными зонами исходной миграции.

Ключевые слова

украинский язык, традиционная культура, диалект, переселенческий говор, календарная обрядность, Босния и Герцеговина, сербский язык, контакты, Галиция, обряды, лексика, заимствования, грекокатолики, православные, полевое исследование

Abstract

The paper discusses the rites and customs of the calendrical cycle of Ukrainians living in Bosnia and Herzegovina, as well as the vocabulary of the traditional culture associated with calendrical rites. The paper is based on the author's own field data and linguistic, ethnographic and ethnolinguistic literature. Calendrical traditions and vocabulary of the traditional culture of the Ukrainians in Bosnia and Herzegovina are of great interest for contact linguistic and ethnolinguistic studies, since they are one of the few examples of the Eastern Slavic enclave surrounded by Southern Slavs. Ukrainian customs survive, despite more than a century of isolated existence among South Slavic neighbours, and become an important marker of the minority's cultural identity in Bosnia and Herzegovina. The influence of the local Christian traditions is not very strong, being most evident in the language sphere in borrowed realia. Certain customs are shown to be typologically common to the Western Ukrainian and South Slavic traditions, with this commonality dating back to before the migration of Ukrainians to the Balkans. Also revealed are intra-local differences in the traditions and vocabulary of the Ukrainians in Bosnia and Herzegovina, related to different zones of the original migration.

Keywords

Ukrainian language, traditional culture, dialect, migrant dialect, calendrical rites, Bosnia and Herzegovina, Serbian language, contacts, Galicia, rites, vocabulary, borrowings, Greek Catholics, Orthodox Christians, field research

О.О. Украинцы проживают на севере Боснии и Герцеговины в окрестностях Баня-Луки, Пнрявора, Приедора и Градишки (Республика Сербская). Это потомки переселенцев из Галиции, мигрировавших на эти земли в конце XIX — начале XX в. под влиянием политики Австро-Венгрии по колонизации оккупированного в 1878 г. края. Носителей украинского языка, поднестриевского и южноволынского диалектов юго-западного наречия [Токар 2004: 731], проживающих сегодня среди сер-

бов, бошняков и хорватов, насчитывается 987 [Врањеш et al. 2017: 64–65]. Среди них распространен поднестрровский диалект юго-западного наречия. Большинство принадлежит к грекокатолической церкви, есть также небольшая группа православных украинцев.

В 70-е гг. XX в. среди украинцев Боснии работала Н. Я. Токар, составившая первое описание говора [Токар 1991; Eadem 2004]. Вышли работы по истории переселения [Румянцев 2008], географической характеристике общины [Мишлицки 2008; Медар-Тања, Мишлицки 2007], системе образования [Vasiljević 2017]. Из работ, посвященных традиционной культуре украинцев, можно отметить исследование свадебных песен [Boychuk 2007], а также статью о свадебной обрядности [Пилипенко 2017]. Отрывочные и очень краткие сведения по календарной обрядности украинцев находим у [Дрљача 1985: 91]. Комплексных исследований по календарной обрядности боснийских украинцев в этнолингвистическом аспекте до сих пор не проводилось. В настоящей статье рассматриваются праздники, обычаи и обряды календарного цикла, записанные в полевых условиях в 2016–2019 гг. от украинцев Боснии и Герцеговины, грекокатоликов и православных. Также анализируются термины традиционной духовной культуры, связанные с календарной обрядностью. Собранные полевые данные сопоставляются с материалом в исходном регионе миграции, сопредельных западных украинских регионах, а также — с южнославянскими этнолингвистическими сведениями.

1.0. В Сербской православной церкви и в грекокатолической церкви на территории Боснии и Герцеговины используется юлианский календарь. Цикл зимних праздников начинается со **Введения** (Введение во храм Пресвятой Богородицы (4.12)) (*uvedénije, na s'v'áto uvedénija* (L), *na uvedényje* (Pr)). В этот день тот, кто первым встал рано утром, пока все спят, должен был привести в дом животное (*prynésty, alé múški! kotrús' žyvótin'u do xáty*) (L) — «полазника». Оно должно было принести удачу. Украинская лексема для «полазника» не зафиксирована, информанты используют сербское слово *položajnik*¹ (у южных славян в северо-восточной Боснии распространен также термин *položaj* [Filipović 1969: 102, 139]). В дом заношили, как правило, теленка или ягненка. Однако по свидетельству информанта из Лишни, можно было поймать и занести даже собаку, главное, чтобы животное было мужского пола. В селе

¹ В словаре говора Поткозарья зафиксировано слово *положник* [Далмација 2004: 202]. В сербском языке также существует слово *polaznik*, по семантике и внешней форме совпадающее с украинским словом материнского ареала украинцев [PCXJ 4: 642].

Просьек в этот день смотрели, кто будет первым посетителем: если придет женщина, то в хозяйстве будут рождаться куры и другие животные женского пола (*jak prýjde ž'inka to bdut kúry žen'ski i ws'o žen'ske*). На территории Галиции (Грабовец, СТ) полазником считалось животное, которое приводили в дом в Сочельник: *те^л'латко ма'лен'ке — па'лазник* [ГПЗНУ 2000: 129], в селе Тухолька (СК) *по'лазни^{ек}* — мужчина/человек — приходил на день св. Василия [ГПЗНУ 2005: 147], на Введение (*ýve^н'ден'ийе*) женщин в дом не пускали — это предвещало беду (Загорочка (ЖД) [Ibid.: 84–85]). В украинской традиции в этот день вводили в дом яловую корову или бычка, а также гадали по первому посетителю о будущем годе [Толстая 1995б: 293]. Иногда вводили и коня; скотину кормили и поили, чтобы она хорошо велась [Копержинський² 1929: 41; Курочкин 2000: 396]. Про зооморфного и антропоморфного полазника в украинской традиции в рамках карпато-балканского ареала подробно пишет В. В. Усачева [Усачева 2008].

2.0. С **Днем св. Андрея** (13.12) (*Andréj, na Andréja*) были связаны гадания девушек о будущем замужестве. Вечером они вместе шли на реку, где набирали в рот воды, которую затем приносили в дом (*i tré^а'ba ixtý^е, pótik po vódu, i py^е'sku prynésty wodý^е*) (Pr) (ср. [Копержинський 1929: 67]). Парни подкарауливали девушек и старались их рассмешить, чтобы те не донесли воду. На реку ходили несколько раз, потому что необходимо было принести достаточное количество воды для замешивания теста. Из этого теста выпекали булочки (*balabónčyk*) (Pr)³, *koláčyk* (L)⁴, каждая девушка — свою; булочки выкладывали на доску в один ряд и выпускали в дом собаку.

Толкование поведения животного — довольно распространенный тип гадания у славян [Виноградова 1995б: 484–485]. К. Копержинский пишет о его популярности в украинской традиции: *кличуть пса на пампушки* [Копержинський 1929: 68–69]; *балабушки* упоминаются также в [Курочкин 2000: 397]. Собака подходила к булочкам и по очереди их

² Благодарю за указание на источник д. ф. н. Т. А. Агапкину.

³ В [МСГГ: 10] *балáбух* — «большой хлеб»; в [СБуГ: 22], «небольшая булочка»; *балабух* — «пирог из вареной мятой картошки с молоком, запеченный на листе капусты» [СБоГ 1: 41]; в западнополесских говорах *балáбуха*, *балáбушок* означает «маленькая пампушка» и в [СЗГ 1: 8] проиллюстрированы таким примером с обрядовой семантикой и указанием на День св. Андрея: «*Балáбух д'йучата пиклі на Андрéя*»; *балáбух* — «еврейский калач» [Горбач 1971b: 149; Idem 1965: 25].

⁴ *Колáч* на Теревовельщине и в селе Романов Львовской области — «белый хлеб» [Горбач 1971b: 165; Idem 1965: 53]. *Колáч* фиксируется также в [СБуГ: 217], и в [СБоГ 1: 366] — *колáч* «пасхальная булка для освящения», «ржаной хлеб», «хала». В украинском говоре Боснии и Герцеговины *koláč* также имеет значение «пирожное» (серб. *koláč* — пирожное).

обнюхивала. Девушка, чью булочку, подойдя, взяла собака, должна была первой выйти замуж (*jak kotrýj pes, vuz"mé, a v'in te n'ux-n'ux-n'ux, i toj vuz"mé, n'ux-n'ux, i toj vuz"mé! To si tag budút v'iddavály, po rédu, ta si v'iddás't' tudý, ta si v'iddás't'*) (Pr).

Также пекли большую булку (*palanýčka*) (Pr), (*pal'anýc'a*) (P)⁵, обмазывали ее медом и подвешивали к потолку. Девушки подпрыгивали, чтобы без помощи рук надкусить эту булку (название для самой игры не зафиксировано). Те, кому удавалось это сделать, должны были дома кусок булки завернуть на ночь в мужские штаны (*zróbyto tku velyku, ws"i, i wšýpymo do stél'i, i skáčymo zubámy, tak nýčšy (ниже), i v'iščépnymo zubámy, i to berémo do dómu, i zamatáty u múški štaný!*) (Pr), однако пояснить мотивировку таких действий собеседники уже не могли⁶. В Полесье известна игра «Калита»⁷ (по данным Копержинского, наибольшее распространение она имеет в регионах центральной и южной Украины, тогда как на западе встречается спорадически [Копержинський 1929: 74]): к подвешенному к потолку коржу (корж из пшеничной муки с дыркой посередине [Ibid.: 63; Курочкин 2000: 397]) играющий подъезжал на кочерге и старался укусить (*кусати калиту*). В игре могли участвовать и парни [Виноградова, Толстая 1995: 110]. Наблюдаются типологические параллели данной игры с южнославянским обычаем серб. макед. болг. (*х*)амка(н)не, болг. ламкане, хлацкане⁸, когда на масленицу к потолку подвешивают разные предметы (например, яйцо, халву, пирог) и стараются ухватить их зубами. Распространен это обычай вдали от зоны расселения украинцев в Боснии: в Болгарии, Македонии, южной и юго-восточной Сербии [Плотникова 2004: 120] и призван повлиять на плодovitость скота и домашней птицы [Агапкина 1992: 88–89].

⁵ В поднепровских говорах *палані́це* — *перепічка* [НРС: 192], т. е. «поколотый ножом корж, который делается из кислого хлебного теста и печется на сковороде, намазанной маслом или салом» [СУМ 6: 251]. Для буковинских лексем *палані́ца*, *палані́це*; *палані́чка* (мн. ч. *палані́чки*) указаны следующие значения: «корж из пресного теста, испеченный на плите», «сладкие коржи, печенье — гостинец для детей», «корж с медом и маком, которым знахарка лечит болезни желудка» [СБуГ: 379]. В [МСГ: 131] — *палані́ці* — «блинчик».

⁶ Мужские штаны клали под подушку, чтобы приснился вещий сон о замужестве [Виноградова 1995b: 484]. На Гуцульщине клали под голову перед сном рубашку и штаны и видели вещий сон [Копержинський 1929: 53]. Ср. ритуальную кражу предметов в гаданиях на св. Андрея [Серебрякова 2015: 1039].

⁷ В буковинских говорах *каліта́* — «вид печенья, корж, посыпанный сверху сахаром» [СБуГ: 183]. В словаре [СЗГ 1, 2] *каліта* встречается в толкованиях номинаций участников данной игры, напр. *Пан Калити́нський* [СЗГ 2: 25] — «сторож калиты», *Пан Коцюбінський* [Ibid.: 26] — «должен был кусать калиту». В [СУМ 4: 77] *каліта́* — «помазанный медом корж, который используют для гадания в день святого Андрея».

⁸ Информантам эти южнославянские лексемы не были знакомы, также не зафиксирована лексема *каліта*.

В тот же день девушки выходили во двор и считали жерди в заборе (*raxuváty kóly^eki*) (Pr), при этом приговаривали, перечисляя характеристики будущего мужа: вдовец, молодец и т. д. (*udóvec, molodéc, za kóyo s"i v'idáš, čy za vduwc"á*). Какой последним выпадет, таким и будет муж. Парни знали, что девушки будут гадать, и специально пачкали жерди. Данный тип гадания распространен практически на всей украинской территории [Копержинський 1929: 58], он известен во многих славянских традициях, например в Словакии [Виноградова 1995b: 486]. Кроме того, девушки в этот день готовили вареники (*pyrogy*) с разными необычными начинками: из красного и черного перца (*pérec*), сахара (*śúkor*). Могли даже положить грубое льняное волокно (*klóče*). У каждой девушки был вареник со своей начинкой. Затем приглашали парней и угощали их варениками. Чей вареник достанется парню, на той девушке он женится (*i prátyto my kotryj xlópec vuz'mé m'ij pyr'ix, znáču v'iddám s'i za néyo*) (Pr) (ср. у русин [Валенцова 2012: 203]).

Гадания о замужестве на св. Андрея известны, помимо славян-католиков, на западе восточнославянского ареала [Виноградова, Толстая 1995: 109; Курочкин 2000: 398]. Для этого дня характерны не только матримониальные гадания, но и бесчинства молодежи, которые по источникам фиксируются на исходной территории расселения, однако встречаются в ограниченном объеме у украинцев Боснии, в основном бесчинства молодежи приурочены к Пасхе (см. 8.4).

В материнских украинских говорах отмечаются формы — *Анд'рій, на Ёанд'рійа* (Старая Ропа (СТ) [ГПЗНУ 2000: 40]), *ро'били Анд'рейа* (Дмитров (П) [Ibid.: 115]); форма *Andrej* повсеместно используется у украинцев Боснии, ср. серб. *Andrej*. Название девичьего гадания, заключающегося в пересчете жердей в заборе: *раху'вали 'колик'и* (Старая Ропа (СТ) [Ibid.: 40]), *раху'вали шта'х'ети* (Загорочка (ЖД) [ГПЗНУ 2005: 86]). В этот вечер парни устраивали бесчинства — *з'битк'и* — везде в поднестривской диалектной зоне. Если девушка славилась дурным поведением, могли посадить коня на крышу (Волосянка (СК) [ГПЗНУ 2000: 14]), а также поднять на дом телегу, туалет или флаг (Волосянка (СК) [ГПЗНУ 2005: 133]), снимали калитку (Бутыны (С) [ГПЗНУ 2000: 127]), кидали бочку в колодец (Потелич (Ж) [ГПЗНУ 2005: 49]), снимали ворота и мазали краской окна (Речки (Ж) [Ibid.: 56]). На Андрея приносили воду во рту для теста из трех колодцев (*ў 'нисок 'воду зи с'тудн'и*) (Зубейки (Ж) [ГПЗНУ 2000: 93]), пекли *бу'хонк'и* (Старая Ропа (СТ) [Ibid.: 40]), *ба'лабух'и* (Хотынец (ЯР) [Ibid.: 113]), *'бундзик'и* (Новоселки (Б) [Ibid.: 116]), *бала'бончик'и* (Бутыны (С) [Ibid.: 127]), *ко'лачик'и* (Чернилява (Я) [ГПЗНУ 2005: 32]), *анд'рійчик'и* (Речки (Ж) [Ibid.: 54]), *пи'р'иш'к'и* (Побужаны (Б) [Ibid.: 66]) и впускали собаку. Только один

раз встретилось упоминание о том, что подвешивали к потолку булку. Считалось, что та из девушек, которая откусит кусок, выйдет замуж (*нали'ниц'ї пе'к'ли в'їшали до 'бал'ка* (Речки (Ж) [Ibid.: 54]). Упоминание вареников с необычными начинками (*с часни'ком, к'лоч'ем*) также было отмечено лишь однажды (Новая Каменка (Ж) [ГПЗНУ 2005: 40]): если кто-то из парней вытянул такой вареник, его дразнили дураком.

3.0. На **День св. Николая** (19.12) (*s'v'atyj Nykuláj, Nikoláj, Nykoláj, Myko/uláj, za M/Nyko/ulája*) дети получали подарки. Родители обычно клали их под подушку (*pakúnoč'k'y/podarúnk'y nam klály p'it pódušku*), а непослушным детям доставался прут (*ty ne buw dóbri, pry'n'is t'i prut*). Родители разбрасывали под окном конфеты и орехи и говорили, что их потерял св. Николай, когда приходил в дом. Сегодня в этот день для детей устраивают праздник: дети читают для Николая стихи и получают за это подарок. В Николая передевался кто-то из сельских жителей. Он надевает дьяконскую далматику (*dal'mátyka ž'ákonska*), в руках у него обязательно была деревянная палка (*derewl'éna pályc'a*), на груди — протоиерейский крест (*xrest*), на голове красная шапка (*červóna šáпка*); из шерсти делали накладную белую бороду (*borodá*) и белые усы (*vúsa*).

Николай заходил в каждый дом, обычно его сопровождал крампус (*krámpus*), который пугал детей, пытаясь их ударить, а Николай их защищал (*krámpus natačáje s'a dytýnu ščéknuty čy vdáryty, a Nykuláj ne dajé bo d'ity bulý dóbri*) (BL). Информанты отмечают, что слово *крампус* пришло в украинский язык из сербского, в качестве украинского аналога они приводят слова *d'ít'ko, čort*. У крампуса на голове были рога, а в руках вилы (*rógy postávyt, vy'ela nósyt* (J)). Этот персонаж часто упоминается собеседниками во время рассказов о праздновании дня св. Николая⁹. В хорватской традиции образ крампуса и сама лексема довольно обычны [Braica 2014: 8–9] (например, *krampuz* в Новом Травнике (Босния) [Dragić 2009: 40], *krampus* в Славонии, Герцеговине, Далмации, Среме [Ibid.: 50–51], в кайкавской зоне [Štebih Golub 2010: 285]). В южной части области Доленско (Словения) Миклаву (Николаю) дарят печенье *krampus*, которое выпекается специально для этого дня [Gregorič 2014].

Обычай одаривания детей распространился в западной части Украины под влиянием католических народов [Курочкин 2000: 399; Валенцова, Узенева 2004: 398]. В Хорватии и Словении Николай приносит детям розги, он также появляется в сопровождении черта [Ibid.]. В Остурне Николая тоже сопровождает черт (*čert*) [Валенцова 2012: 204].

⁹ *Krampus* — «заимствование из немецкого, черт (в детских играх)» [РСJ 2011: 568]; «черт в народном представлении с хвостом и рогами, который является непослушным детям в рассказах и обычаях (напр. вместе со святым Николаем)» [НJP].

Про Николая и крампуса не находим свидетельств в [ГПЗНУ 2000; 2005].

4.0. С **рождественскими праздниками** (*r'izdvén'i s"v'éta* (Pr; Hr), *s"váta r'izván'i* (L)) связано множество обрядов и обычаев. Рождеству предшествует пост (*r'izdványj p'ist* (Tr)). За несколько дней до Рождества (07.01) (*r'izdvó*) в горшке (*vazónok* (Hr), *posúdok* (P), *sáksija* (Hr) (серб. *sak-sija*)) сеяли пшеницу. Информанты называют временной промежуток в 10–14 дней. Как правило, этим занимались после католического Рождества. В середину горшка обычно вставляли кочан, чтобы было место для свечки: перед тем как поставить свечку, кочан вынимали (*vyé'k'ine s'i kačén i na to m'ísce s'i postávy s"v'ičku* (Hr)), а свечка горела на протяжении всего ужина. К Рождеству по юлианскому календарю пшеница должна была взойти, если же этого не происходило или всходы были очень бедные, то говорили, что урожай в этом году не будет богатым (*pos'jajw to dóbre ne z'jšlá, káže, ne budé urožáju, a u méne dóbra, ja búdu dóbryj mála urožáj* (P)). Когда уже устанавливалась благоприятная погода, пшеницу несли в поле и высаживали. Считается, что она защищает урожай от грома, ветра (*na póle, kóby yr'im, v'íter čy šoz' by ne bý'lo*) (Hr). Информанты из Просьека отмечали, что эту пшеницу давали склевать курам или скоту (*il kúry popasút, il da s'i xudóby da popasút, il v'íwc"i* (Pr)). Пшеницу вместе со свечкой несли на кладбище на могилы родственников (*postávy s"i s"v'ička u syerye dýnu i to s'i nesé na cvj'entar do pok'jnyx* (Hr)). В Галиции на Сочельник также ходят на кладбище, чтобы пригласить умерших родственников на ужин (Старичи (Я) [ГПЗНУ 2000: 62]), при этом зажигают свечку (Каменное (ЖД) [ГПЗНУ 2005: 86]) (ср. данные о посещении кладбищ в Сочельник [Глушко 2016: 1327]; на Бойковщине также ходили на кладбище, на могилы родственников, с кутьей и свечкой [Мовна 2014: 238]). Считается, что эта пшеница освященная, т. к. во время благословения домов на Богоявление священник (ед. ч. *ks'onc/s*, мн. ч. *ks'enzy*, грекокатолический, православный и римскокатолический) окропляет все в доме, также и пшеницу. Однако некоторые информанты отмечали, что обычай сеять пшеницу в горшочек, ждать всходов, а также вставлять свечку в эту пшеницу во время ужина украинцы переняли от римокатоликов, а раньше выпекали плетеный калач (*koláč s'i pl'iw ko plténica* (ср. серб. *pleténica*) (P); *xl'ib* (L)) и свечку вставляли в середину этого калача (*buló try xl'ibýe na stul'í, i na seredén'i s"v'ička γor'íla*) (L).

Обычай сеять пшеницу и ждать всходов к Рождеству распространен у хорватов (*sijanje božićnog žita* стало символом национальной идентичности, горшочек с пшеницей часто украшается лентой в цвета хорват-

ского флага [Braica 2014: 11–12]), этот обычай нами отмечен и у хорватских переселенцев с острова Брач в городе Пунта-Аренас (Чили) [ПМА], фиксируется он также у градищанских хорватов в Венгрии [Ващенко 2018: 10]. У украинцев Подгорья, Надсанья и в Западной Подолии иногда в Сочельник ставили свечку в миску с зерном, однако нет данных о сеянии пшеницы [Мовна 2014: 240]. В Галиции есть типологически сходный по действиям обычай — ставили в воду ветку черешни и ждали до Рождества, чтобы она распустилась (Новоселки (Б) [ГПЗНУ 2000: 121]).

4.1. Распространены до сих пор предсказания погоды, широко известные во многих славянских традициях [Толстая 2004: 251]: после католического Рождества и до 7 января в течение двенадцати дней записывают, в какой день какая была погода (*pysály, v'it katólyck'yx s'v'at do nášyx s'v'at, dvynájcyd den', den' za m'is'ac, jaká búde poróda* (L)). Кроме того, отмечают особенности погоды утром, днем и вечером, таким образом пытаясь предугадать, какими будут начало, середина и конец месяца. В Карпатах период наблюдения за погодой может охватывать время с 25 декабря по 7 января или с 7 января по 19 января [Біляковський 2012: 635], в хорватской традиции известна *dvanaestodnevnica*, когда за погодой следили с 24 декабря по 6 января [Braica 2014: 8], католики в Лиешче (северо-восточная Босния) гадают о погоде [Filipović¹⁰ 1969: 80], мусульмане в Зворничкой Спрече (северо-восточная Босния) всегда узнавали у христиан, когда те празднуют Рождество, поскольку сами гадали по дням о погоде в этот период [Filipović 1969: 30]).

4.2. Главным обрядовым блюдом на рождественском столе является кутья (*kuťá*) — сваренные очищенные зерна пшеницы, которые поливают медом и посыпают маком. В селах Поточани, Хрвачани, Деветина информанты отмечали, что это слово пришло к ним относительно недавно, а раньше говорили «пшеница» (*pšenyč'a (várena)*). Пшеницу долго варят, а мак толкут в особой посудине из глины (*makitra*) при помощи специального песта (*makou'ín*) (L). Дети держали макитру, а хозяин взбивал мак, т. к. это была очень тяжелая работа. Взбивать нужно было до тех пор, пока мак не побелеет, не пустит молоко. После детям давали пестик, который они облизывали. У многих информантов до сих пор сохранились макитры, привезенные еще их предками из Галиции. В кутью могли также добавить орехи (*vor'ixy^e*) и изюм (*rozýnk'y^e*). С маком у украинцев Боснии связано поверье: если произнести в Сочельник слово «мак», то весь год этого человека будут мучить блохи (*blóx'y*

¹⁰ Благодарю за указание на источник д. ф. н. А. А. Плотникову.

(Tr)). Похожее верование распространено и в Галиции: в селе Загорочка (ЖД) считают, что нельзя произносить слово «мак», а нужно говорить «семя», иначе нападет парша (*'nax'u s'a 'budut č'in'l'amu*) [ГПЗНУ 2005: 85]. В белорусской и польской традициях также избегали произносить слово «мак» в Рождество [Терновская 1995: 197].

4.3. Перед ужином хозяин зажигал свечу (ср. [Мовна 2014: 238–239]), молились и за живых, и за умерших (*za žy^evý^ex i za mértvux* (L)). Первым брал кутью хозяин. Существовал обычай: ложку кутьи нужно было кинуть вверх, чтобы кутья прилипла к потолку, в этом случае пчелы будут роиться (*xto mav pčóly, to k'ýdaly léšku pšenýc'i do stél'i*) (BL). Сколько прилипнет кутьи к потолку — столько будет пчел (*k'il'ko s'a wčýpyt do stél'i, stýl'ky rojív lýšy s'a* (Tr); *i tudý tu kut'ú k'ýne do stél'i, jak s'i trymáje, to budúť rojí s'i trymály* (L)). Ср. похожее поверье, распространенное в украинских землях, в том числе и в Галиции [Курочкин 2000: 401; Глушко 2016: 1328; Горбаль 2012: 224; Валенцова 2004: 71]. В селах Галиции бросали кутью к потолку и гадали об урожае пшеницы (Старичи (Я) [ГПЗНУ 2000: 62]), *ку'т'у к'и'даў до^у с'тел'і би с'і пше^н'ниця^а ро^в'дила* (Загорочка (ЖД) [ГПЗНУ 2005: 83]) и о пчелах (Тухолька (СК) [Ibid.: 146]). В Закарпатье, подбрасывая кутью к потолку, пытались повлиять на урожай пшеницы [Усачева 2008: 373]. Сохраняется традиция и в среде украинских мигрантов из Галиции в Аргентине и Парагвае [Pilipenko 2018: 290]. Кутью все ели из одной миски в начале и в конце ужина.

4.4. После ужина самый младший в семье собирал ложки, которыми ели кутью, — считали, что тогда скот не будет разбегаться (*da to xudóba ne wt'ikáje*) (P). В Трнополе удалось записать следующее поверье: ложки и вилки связывали, чтобы коровы хорошо паслись, не причиняли ущерб и не убегали (*lošk'ý i v'idélc'i vjazály v odnu vjazanku šóby^e koróvy dób-re pásly s'a, šóby^e ne xodýly, ne wt'ikály, ne rosxodýly s'a*) (ср. [Глушко 2016: 1328]). Связанными столовые приборы оставляли до утра. На территории Галиции это поверье фиксируется в (Волосянка (СК) [ГПЗНУ 2000: 16–17]), *'лошк'и з'яз'али тим 'с'іном 'жиби худоба три'малас'а 'купк'и* ([Старичи (Я) [Ibid.: 62]). Связывать ложки поручалось самому младшему ребенку в семье (Тухолька (СК) [ГПЗНУ 2005: 146]). Это поверье отмечено у белорусов, поляков и сербов [Топорков 2004: 132].

4.5. Особое внимание уделяется приготовлению праздничного стола в Сочельник (*s'v'atýj / s'atýj večer / večyr / večir*) (24.12/06.01). Перед ужином (*s'v'itá / s'v'atá večera*) нужно было обязательно накормить скотину, а все хозяйство привести в порядок (L) (ср. то же в Галиции (Загорочка (ЖД) [ГПЗНУ 2005: 83], Тухолька (СК) [Ibid.: 145]). Приготовлением ужина за-

нимались женщины, он состоял из двенадцати постных блюд (*dvanájc'at' p'isnýx / p'isn'ix / p'ósnyx stráv('iw) / jéžen' / jéliw r'ixtuvály*) (так же в селах Надсанья [Глушко 2016: 1321]), хотя это количество для многих хозяек условно, в интервью они признавались, что готовят более двенадцати блюд. Само число двенадцать ассоциируется с двенадцатью апостолами (Р). После ужина, перед тем как мыть посуду, девушки выходили на улицу и стучали ложками. Полагали, что откуда на этот стук залает собака, в ту сторону выйдешь замуж. На ночь пустую тарелку, ложки и еду (обязательно кутью, а также, например, грибной суп, борщ, вареники) оставляли или на столе, или на окне, поскольку считалось, что умершие приходят ночью ужинать (*bo wnočý dúš'i pryxodý'elye večér'aty*^e (Р); *wnočý májut pryjty dúš'i poméřyx i pořostýty s'a* (Tr); *npu'xod'am mep'č'i ŷicmu* (Волосьянка (СК) [ГПЗНУ 2000: 16])). Также на протяжении всего ужина одно место оставалось пустым на случай, если придет путник или кто-то заблудится (*za blúdnojo, jag by nadijšów*) (Tr). После возвращения из церкви завтракали (*s'n'idaty*): на столе были уже непостные блюда.

4.5. В Сочельник хату украшали специально сделанными крестиками из соломы [Виноградова, Плотникова 2012: 147], их прикрепляли на оконное стекло и двери (*robý'elye s'i xrésty'ky s solómye i klálo s'i na v'iknó* (Р), *na kóžn'i dvér'i kladút xrestý na r'izdvó* (Hr), *robý'elye xrésty'kye s solómye, klálye s'mo na v'ikná, tak'i malén'k'i šépk'y bulýe* (L)) (ср. данные из Покутья [Серебрякова 2018: 582]).

4.6. Хозяин дома заносил солому (*d'idúx, solóma*), ее расстилали по всему дому, обязательно клали под стол, а на стол под скатерть — сено (*s'ino*). Кроме того, в углу ставились снопы овса, ржи или пшеницы (*sn'ip(ó)k v'íwsá, žýta, pšenýc'i* (Hr; Pr)), которые называли «дед» и «баба» (*d'ido / g'igo / d'id(t) / g'id(t), bába, báp'a; d'ida robý'elye na s"v'ityj večyr, prynésly snip v'íwsá* (Pr)). Эти снопы соломы иногда также называются словом *d'idúx*¹¹. Ср. также южнославянские параллели, например западноболгарское *dedo* — «солома, которой устилают пол в Сочельник» [Седакова 1995: 41]. В Галиции отмечены следующие названия: *s'n'in* (Волосьянка (СК) [ГПЗНУ 2000: 18]), *d'idux* (Старичи (Я) [Ibid.: 62]). Сноп овса называют *'d'ido* и *'баба* (Грабовец (СТР) [Ibid.: 129]), сено клали на стол, а солому под стол (Плешевичи (М) [ГПЗНУ 2005: 19]), был *d'id*, а *'бабу c'tел'ym на сто'л'i зи 'c'ina* (Илов (Н) [Ibid.: 82]).

Когда солому вносили в дом, хозяин говорил: «*Dóbryj véčyr, Xrystós s'i ro/užďáje!*» (Pr), члены семьи его приветствовали (Hr; D). В Лишне

¹¹ На Теревовельщине *did* — «сноп пшеницы, который ставят в углу на Сочельник», *didúx* — «солома, которую стелют на пол на Сочельник» [Горбач 1971b: 159].

произносили это трижды. Отвечали: «*Slav'imo jorjól!*» (ср. формы приветствия у лемков [Глушко 2016: 1325], [Горбаль 2012: 219]). Когда же солому выносили, ее провожали, говорили, чтобы заходила и в следующем году, а «дидух» отвечал, желал семье здоровья и всего самого доброго (Hr). Солома в доме находится в праздничные дни. Сегодня редко кто застилает весь дом соломой, ее кладут только символически под стол (часто — в коробку) и под вышитую скатерть (*nastílnyk, obrús* (P), *stóln'ak* (серб. *stolnjak*)). Так делают, чтобы в доме было меньше мусора, т. к. после соломы трудно навести порядок (Hr). В солому бросали конфеты, орехи, которые и взрослые, и дети (в некоторых местах только дети) искали по всему дому; собеседники признавались, что это одни из их самых светлых детских воспоминаний. Детям говорили, что конфеты и орехи принес «дидух», которого они ждали и высматривали в окно. При этом нужно было кудахтать (*kokodákajut, pijút*¹²): *kážu kwo-kwo* (L), *kvo-kvo zówtra r'izdvó!* (Pr) (ср. похожие формулы [Глушко 2016: 1324]). Этот обычай некоторые информанты считают заимствованным у сербов: *pijukanje* (ср. данные [Бушкевич 2012: 341]. У сербов и болгар [Белова 2012: 108], у мусульман в Грапской (северо-восток Боснии) на Рождество дети до рассвета имитировали звуки, издаваемые домашней птицей [Filipović 1969: 102]). Подражание голосам птиц в Сочельник распространено и в Галиции: *к'вокали 'жиби 'кури с'а 'вели* (Старичи (Я) [ГПЗНУ 2000: 62]); *кво-кво, 'заўтра Р'изд'во* (Каменное (ЖД) [ГПЗНУ 2005: 86]). В селе Трнополе отмечено, что нужно было всей семье ночью спать на соломе (ср. то же у [Глушко 2016: 1323–1324]; в северо-восточной Боснии (Усо-ра) было принято спать на Новый год на соломе [Filipović 1969: 51]), а утром рано все вставали и шли в церковь.

Солома находилась в доме несколько дней, собеседники говорили, что выносили ее только через неделю и она могла оставаться в доме вплоть до Богоявления (*znáje stojáty i do jórdanu, i tudý aš vynósymo*) (L). Ее подкладывали курам (*kladémo na yn'izdó za kúry*) или несли на поле (Pr). Кроме того, из соломы делали перевясло и обвязывали фруктовые деревья (например, сливы), чтобы летом они плодоносили (*vy^enós^at tudý na óvočy kladút, šoby^e l'ípše vrody^elo* (L); *vjéžu s'i sly^ewk'ý^e* (Pr)), что характерно также для белорусской, польской, чешской, словацкой, болгарской [Белова 2012: 108], хорватской [Braica 2014: 12–13] традиций. Хозяин, обвязав деревья соломой, угрожал деревьям топором: *йак не^e ў'родиш 'того^v 'року то т'а з'им'ну* (Чернилява (Я) [ГПЗНУ 2005: 26]). Ср. дополнительные сведения об этом обычае из Галиции [Глушко 2016: 1329;

¹² Заимствование из сербского: *kokodakanje, kokodakati* — квохтанье, кудахтанье, квохтать, кудахтать [РСЈ: 775]; *pijukanje, pijukati* [Ibid.: 419] — писк, пищать (как цыплята).

Горбаль 2012: 222], а также из северо-восточной Боснии [Filipović 1969: 51, 181; Idem 1962: 181].

Сейчас вместо «дидуха» все чаще устанавливают елку (*jalovec, krizban*¹³, *jalyc'a*) (J; Hr), а в некоторых семьях и приносят в дом «дидух», и украшают елку¹⁴. Также принято оставлять несколько колосьев на целый год от «бабы» и «деда» (Pr).

4.7. После ужина и до полуночи шли колядовать (действие — *kul'iduvaty, kol'aduvaty, sp'ivaty kol'adu / kul'idu*; участники — *kol'adnyk, kul'idnyk*; песня — *kol'ada, kol'atka*)¹⁵ (ср. в Галиции: *kol'adni'k'u, kol'a'duyum* (Волосьянка (СК) [ГПЗНУ 2000: 17]). Шли только парни (*kol'aduvaty tyl'ko xlop'ci idut*). В селах Хрвачани и Поточани парни колядовали с Вифлеемской звездой (*molod'i idut sp'ivajut kol'ady z zvizdom*), которую делали из картона. Когда исполняли колядки, звезду не держали неподвижно, ее вертели, а в середину звезды помещали свечу¹⁶. Зафиксированы и локальные отличия в способах колядования: в селе Трнополе колядующие не заходят в дом, тогда как в окрестностях Прнявора в дом заходили. В самом Прняворе колядовать могли в первый, во второй и даже в третий день после Рождества, поскольку не успевали обойти все дома. Колядующие, придя в дом, спрашивали, примут ли их (*ču pryjmážete kul'adnyk'y? / ču pryjmáje do xáty?*). Как правило, все получали разрешение, если же нет — что случалось очень редко, — то в следующий раз этому хозяину могли сделать что-то нехорошее (*zbyt'ky zrobyty*), например что-либо у него украсть. Колядующим дарили конфеты, сладости, сейчас чаще всего дают деньги. Колядники произносили приветствия хозяевам, благопожелания (*v'inčuvály, v'inšuvály*), поздравления с Рождеством (*xrystós s'a raždáje*), пели колядки.

Одна часть вырученных денег шла на нужды церкви и культурного общества, а другая часть оставалась колядующим. В селе Деветина, когда населения было больше, ходили две группы колядующих — неженатые и женатые парни отдельно (*na Dvyjátyn'i búly žonáty išly, to búlo dv'i ȳrúpy, žonáty i xlop'ci*) (D). Там, где православные украинцы живут вместе с грекокатоликами, колядовать шли и к одним, и к другим, не об-

¹³ *Krizbaum* — рождественское дерево, сосна, ель. Обычай устанавливать ель на Рождество и сама лексема (*krizban*) распространились из Германии и Австрии через северо-западную Хорватию [Braica 2014: 13], у кайкавцев — *krizban* (из баварско-австрийских диалектов — *Christbaum* [Štebih Golub 2010: 286]), ср. также *krispan* в Костеле на юге словенского региона Доленьска [Gregorčič 2014].

¹⁴ Обычай ставить елку у украинцев распространяется только в XX в. [Курочкин 2000: 399].

¹⁵ *Кул'идувати* — «колядовать»; *кул'идник* — «участник колядования на Рождество и Богоявление» [Горбач 1971b: 165].

¹⁶ Звезда появляется с XVII в. [Курочкин 2000: 403].

ращая внимания на конфессиональную принадлежность (многие даже не знали, кто в какую церковь ходит, и не придавали этому значения). В местах, где украинцы проживают вместе с другими народами, сербы и мусульмане просят, чтобы колядующие заходили и в их дома, также дают им деньги. В Сочельник ходили также с вертепом, т. е. разыгрывали театрализованное действо (*vertép, šópka*)¹⁷. Собеседники упоминали, что раньше с вертепом ходили следующие персонажи: Мария, Иосиф, казак, пастушок, три волхва, еврей, еврейка, черт, смерть с косой (*Mar'ija, Jósyp, kozák, pastušók, try korol'i*¹⁸, *žyd, žydívka, čort, s'(')mert'(')*). Специально готовили костюмы для участников, например, хвост для черта (*f'ist*) делали из колючей проволоки, у него были также вилы и цепи (*lancux'ý*), а у казака была сабля (*sábl'a*), смерть приходила с косой (*kosá*). После того как пропевали колядки, участники вертепа заходили в дом по отдельности, и произносили свой текст. У каждого персонажа были свои четко установленные сценарием действия, например, еврейка должна была бегать по дому, заглядывать в кастрюли и горшки, искать место, чтобы родить ребенка (*žydívka šaruvála po xát'i, idé rodýty, l'ajáje, šukáje po ban'akáx*) (Tr). Из дома обязательно при этом что-то пропадало (колбаса, мясо). Черт всех пугал. Еврей требовал налить ему ракии (*žyt trábujet nal'áty rákije*). В селе Деветина собеседники помнят, что водили козу (*vély tu kozú*). К хозяйке дома приходили с козой и просили воды, чтобы вымыть козе вымя после дойки. Когда приносили емкость с водой, коза лягалась, и вода выливалась на хозяев (*ta šo dóje, pol'áje gospodára*). Рождественско-новогодний обряд вождения козы характерен для украинской и белорусской традиций, в частности для полесской зоны [Белова 1999: 523]. Вертеп упоминается и в нарративах информантов из сел Галиции, перечисляются персонажи: 'анге^{чл}, пасту^{'x'и^е}, ко^{за}'к'и^е, смерт', жид^м (Чернилява (Я) [ГПЗНУ 2005: 25]). На восточной и центральной Украине вертеп значительно реже использовался в обряде колядования [Курочкин 2000: 405].

В том же селе Деветина на Рождество в дом заводили животное мужского пола — коня, ягненка или жеребенка (*fájno tel'étko múško, lošé táto pryvéde do xáty na r'izdvó, kon'á pryv'ív, jaγn'á na rúky voz'mé do xáty zanése*) (характерно и для северо-восточной Боснии [Filipović 1969: 140; Idem 1965: 181]). Здесь наблюдаются типологические параллели с ползником на праздник Введения, когда в дом также приводят животное (см. 1.0). Желательным первым гостем тоже был мужчина, женщины в гости в этот день старались не ходить.

¹⁷ *Шópka* (а также *virtén*) в селе Романов Львовской области — «рождественский вертеп-сценка, с которой ходят парни по домам (пол. *szopka*)» [Горбач 1965: 100].

¹⁸ Ср. пол. *trzej królowie*, хорв. *tri kralja*.

5.0. В первый день **Нового года** (14.01) (*novyj r'ik*) ((*Сма'риў*) *Но'v'iv'ij r'ik* (Чернилява (Я) [ГПЗНУ 2005: 26]), День св. Василия (*za s'vatógo Vasy/il'a*) (*Ва'силья ве'лико'го* (Чернилява (Я) [Ibid.: 25], на *Ва'сил'a* (Тухолька (СК) [Ibid.: 147])), рано утром идут дети — сначала мальчики, затем девочки (*naperéd idút xlopčý'ska, tud'í g'ivčéta* (Hr)) — обходят с благопожеланиями дома, колядуют. Придя в дом, они желали счастья, здоровья, хорошего урожая, из сумки (*torby'na*) доставали пшеницу, посыпали ею в доме — *zas'(')iváty* (*зас'ивату 'хату* (Тухолька (СК) [Ibid.: 147]); участников обходов называют *s'(')ivačý* (*нау'л'итни'к'и'е* (Чернилява (Я) [Ibid.: 24]). Тому, кто придет раньше всех, доставалось больше. Обычно давали конфеты, шоколад, орехи, яблоки, то, что висело на елке, а также мелкие деньги (*nam dajét čy cukérk'y čy jápko čy xto kotryj dínar*) (P). Дети произносили следующий текст (*zas'ivánka*): *s'ij s'i rodé s'i žéto pšený'ca, ws'il'áka pašný'ca, na ščas't'a, na zdorówl'a, na toj samýj novyj r'ik, aby vam s'i l'ípše povódylo jak tor'ík, xrystós s'i raždáje* (Pr). Зафиксировано несколько вариантов текста благопожеланий: *s'iw s'a, radý'w s'a žý'to pšený'ca ws'il'áka pašný'ca, na ščas't'e na zdurówje na toj novyj r'ik, by s'i vrodý'lo l'ípšy n'iš tur'ík, xrystós s'a raždáe* (Hr), *rodý s'i žý'to pšený'ca, na ščas't'a na zdoról'e, na toj novyj r'ik, kóby s'i l'ípše rodýlo nyk tor'ík, xrystós si roždáje* (Hr). Существовал следующий обычай: первый, кто пришел «засевать», брал сноп овса, стоявший в углу, — «деда» — и бил его, имитируя молотью (*uby'ety'e d'ída* (Hr), *ubmulóty d'ída, zas'iváty d'éda* (Pr)) (ср. то же у [Горбаль 2012: 221–222; Белова 2012: 108–109]). В селе Хотынец в Польше парни молотили сноп палками. Существовало поверье, что сколько зерна они намолотят — столько летом уродится жита (Хотынец (ЯР) [ГПЗНУ 2000: 112]). Обряд «посевания» характерен для восточных и западных славян [Виноградова, Плотникова 2004а: 417].

6.0. **Вечер** перед праздником **Богоявления** (18.01) украинцы Боснии называют *ščydryj/ščédryj/š(')édryj véčyr, véčer, véčir*, а также «вторым святым вечером»: *drú'nyj s'vatýj véčyr, véčer, véčir*. В Галиции «щедрым вечером» называют вечер накануне Богоявления¹⁹, тогда как в других регионах «щедрование» — исполнение новогодних песен²⁰ [Курочкин 2000: 406], ср. также названия: *йор'дан'с'к'и'ї с'в'а'т'и'ї 'веч'ір* (Тухолька (СК) [ГПЗНУ 2005: 146]), *д'руги'ї с'в'і'т'и'ї 'веч'ір* (Надычи (Ж) [Ibid.: 60]). В этот день на ужин (*večérja bo'gojávlen'a*) готовили те же самые постные блюда, что и в Сочельник, также делали кутью (*za yardán znom s'i p'isné*

¹⁹ На Теребовельщине — *щчэдрий вѣчир* — «вечер Богоявления» [Горбач 1971b: 193], *щчидрувати* — «петь щчидровки и колядки на Богоявление» [Ibid.].

²⁰ *Щчэдрий вѣчир* — «вечер накануне Нового года (31 декабря по старому стилю)» [СУМ 11: 578]).

r'ixtúje, ísto r'ixtúje ko za s"v'atyj večer) (Hr). Вечером девушки ходили от дома к дому и щедровали (*š(č)y/edruváty*), пели специальные песни, «щедривки» (*sp'ivájut š(č)y/edr'iwk'y*), произносили благопожелания. Сам праздник называется *jordán, ģardán* (Pr; Hr), *ardán* (D)²¹, *vodoxrěšče* (Tr), *vodoxrěšije* (BL) (06.01/19.01) (в Галиции: *ĵap'dan* (Плешевичи) (M) [ГПЗНУ 2005: 19], *ĵop'dan* (Мацошин) (Ж) [ГПЗНУ 2000: 78], *ap'dan* (Грибовец) (СТР) [Ibid.: 130], *водоухрешча, шчад'ра* (Чернилява (Я) [ГПЗНУ 2005: 25]). Рано утром шли на ближайшую реку (*idé s'i na r'íčku*), где и проводилось освящение воды (то же у русин в Остурне [Валенцова 2012: 210]). Сейчас воду освящают в церкви (*боґојавлен's'ko /jordán's'ke os'v'áčen'a vody; velyke vodos'vjátje jordán's'ke*). Затем освященную воду (*s"v'íščéna vodá* (Hr), *s'v'áčen'a vodá* (Tr), *s'v'atá vodá, s"v'ičéna vudá* (Pr)) приносят домой. У славян богоявленская вода считалась целебной, верили, что она защищает от нечистой силы [Виноградова 1995a: 387], сглаза (*urók'y*); ею поили больных, умирающих; пили ее во время непогоды; крещенской водой умывали детей, если они плакали. Святой водой хозяин кропил все в доме (*tróxa pokrópju ws"o* (Pr)), в том числе и скотину в хлеву (*pos"v'áščivaw, de xudóba, de xl'iw*) (L). Собеседники говорят, что вода оберегает дом (*vodá je stórožom xáty*) и подолгу не теряет своих свойств (ср. то же [Серебрякова 2018: 580; Скрипник 2000: 441]). На Крещение священник обходит дома и освящает их (если не успеваet прийти в этот день, приходит на следующий), получая за это деньги.

Период после Крещения и до начала Великого поста (*v'id ģardaní do velekovánoho póstu*) называют *mynýc'i, m'isn'íc'i* (Hr), *m'isnýc'i, m'isnýc"i* (Pr)²², в Галиции — *мйас'ниці* (Дмитров (П) [ГПЗНУ 2000: 115]). В этот период устраивали свадьбы, веселились. Наиболее веселыми были последние дни перед постом, особенно последний (воскресенье) — *púščyn'e* (Pr), *púščen'a* (L)²³. Принято было готовить много еды (*tud'í smo зробылы večeru masnú*), на стол в этот день ставили запеченное мясо, сыр, яйца, пирожные. Все веселились (*je i zabávy za púščen'e, zabávy s'i róbi, z muzýkoju, tan'c'újut* (L)). Сегодня забавы на «пушченье» организуют также с участием церкви. Молодежь устраивает забавы в субботу, а в воскресенье гуляют до полуночи. К украинцам в этот день приходили сербы, реже приходили бошняки.

²¹ *Ардán* фиксируется в [МСГГ: 9; ГГ: 17]; *арданіця* — «вода, освящаемая на Крещение», *ардán, ĵордán'* [СБог: 1, 36].

²² В гуцульских говорах с этим значением: *мнесніці* и *м'існіці* [ГГ: 124], на Теревовельщине и в селе Романов Львовской области — *місніці* [Горбач 1971b: 170; Idem 1965: 63].

²³ По версии [ЕСУМ 5: 646], данное название связано с тем, что в этот день разрешается есть скоромную пищу. Ср. в бойковских говорах: *пущиня* — последняя неделя перед постом, «сыропустная»; пост [СБог 2: 164].

7.0. На **Сретение** (15.02) (*str'íten'a ģospódn'e*) освящали в церкви свечи (*s'v'ičk'ý tud'í s'v'átum*), которые назывались *ģrom'ična s'v'ička*²⁴. Таковую свечу давали в руки больным для выздоровления (*na ozdoróvlen'a*), умирающим, чтобы облегчить агонию (ср. [Кілар 2017: 234]). Во время непогоды зажигали свечу (*s'v'ítýty*) и молились. Считается, что дым от свечи обладает божественной силой. Свеча обычно хранится в доме в течение нескольких лет, ее также можно «обновить» (*vidnovýw pos'v'áčen'e*): снова освятить в церкви через некоторое время. Среди украинцев распространено поверье, что в этот день зима встречается с летом (*zymá stryčáje l'íto*), в Галиции: *Sm'p'ime'n'a — zbu'e'vai'e l'imo* 'зиму (Чернилява (Я) [ГПЗНУ 2005: 26]). Согласно поверью, если медведь разрушает свою берлогу в этот день, то будет хорошая погода (*jak med-véd' búde búdu valýty, abó buduváty, jak ji valýt, tud'í búde ģárna porģóda, jomú ne potr'ibna b'il'se*) (Tr).

8.0. Пасхальный (Великий) пост длится семь недель (*s'im néd'il' to s'i póstylo* (Hr)). В это время не устраивают свадьбы, не веселятся, не играет музыка и не собираются на танцы (*u póst'i u nas ne ģul'ájut* (L); *ny sm'ílo s'i žynýty, veselýty, sp'iváty* (Hr)). Первый день Великого поста называют «Чистый понедельник» (*čéstyj poned'ílok, čýstyj, to smo póstyly* (Hr)). Неделя в середине поста — Крестопоклонная (*xrestopokl'inna*) (Tr).

8.1. В воскресенье перед Пасхой после Лазаревой субботы (*lázareva subóta*) освящают «шутку» (*šútka*) — начинающие распускаться веточки вербы (*verbá*), к которым могли добавлять и другие предметы, например колоски, ленты, так что они образовывали небольшой букет. Зафиксированы также названия: *sv'itová šútka, íva, lozá, vrbica* (серб. *vrbica*). Этим словом обозначают как букет из веточек целиком, так и набухшие почки на ветках (если на Пасху на этих веточках еще не появились листочки). Однако чаще вербные почки называют по-сербски: *máce*²⁵, *máčice* (*my vse kazály máce, ta jak serby šo ģovorý'e ly'e* (Pr)). Один собеседник образовал украинское слово исходя из семантики сербского наименования — *tak'í kotyn'átka, to máce* (Tr), однако не был уверен в правильности его использования и распространении среди украинцев Боснии²⁶. Воскресенье перед Пасхой называют *lozová ned'íl'a, šutková ned'íl'a, kv'ítina ned'íl'a*

²⁴ Свечу, освящаемую на Сретенье, называют *ģромничной* в украинской, белорусской, польской [Агапкина 2012а: 155], а также в чешской традициях.

²⁵ *Маса* — «мелкие нежные цветы некоторых растений (например, у ореха, каштана, шелковицы, вербы и др.)» [РСХ]: 318; «почка на вербе, из которой развиваются листья, ветка с такими почками» [РС]: 672).

²⁶ Укр. лит. *кóтик* — «соцветие вербы и некоторых родственных растений» [СУМ 4: 309].

(Tr), *šútna neg'íl'a* (Pr). «Шутку» приносили домой и «били» домочадцев, а также скотину, приговаривая: *šútka bje i ne zabjé, za týžden' velýgden'!* (Pr; Tr), *šútka bje, ja ne bju, za týžden' velýgden'* (D); ср. *не" ѡа т'а бѣу ло"за бѣе, в'ід 'нин' і за 'тижде"нь ве"лигден'* (Чернилява (Я) [ГПЗНУ 2005: 27]) (похожие формулы у [Курочкин 2000: 415; Килар 2017: 236; Самотіс 2014: 104–105]). Битье вербой распространено у восточных и частично южных славян, поляков, чехов [Толстой 1995: 337]. В течение всего года веточки хранили, их поджигали (*vřbice se zapal'ét šóby xmáry v'idyxnálo*) (J), чтобы отогнать грозу, если надвигалась непогода (*jak rymýt, blýska* (D)), а также затыкали под крышу. В селе Козарац украинцы оставляли по веточке на могилах родственников (*na rrobýe kladút, i svojím pok'jnym po ralušku*) (ср. [Килар 2017: 236–237]). Прошлогоднюю «шутку» не выбрасывали, поскольку она была освящена (*pos"v'ičena*) (Pr), ее сжигали.

Лексема *шутка* фиксируется в говорах западных регионов Украины, чаще всего лексикографические источники дают толкование с указанием на обрядовую семантику лексемы: *шútka* — «ветка вербы с пушистыми почками (котиками)»; «ветка, которую освящали в церкви» [НРС: 248]; «пушистая почка вербы; вербовая ветка с пушистыми почками; последняя предпасхальная неделя» [СБУГ: 680]; «пушистые почки на вербе (котики); ветки вербы, которые освящают на Вербное воскресенье» [ГГ: 222]; «освященная верба на Вербное воскресенье» [Горбач 1971b: 193]. Известны и синонимы в западноукраинских говорах, не отмеченные у украинцев Боснии; у гуцулов — *бéчка* [ГГ: 22], на Тербовельщине — *лоzá* [Горбач 1971b: 168], в селе Романов на Львовщине — *лоzá, бáс'ка* [Idem 1965: 59]²⁷. Вербное воскресенье: *шуткóва неділя* [НРС: 284], *лозовá неділя* [Ibid.: 163], *бáзькова неділя* [Ibid.: 44], *бечкóва неділя* [ГГ: 222], *цвітна нид'ілі* [Горбач 1971b: 190]. В записанных материалах в Боснии при номинации Вербного воскресенья используются дериваты от существительных *шутка, лоза, квіти*.

В поднестровском диалекте фиксируется множество лексем для обозначения пушистых почек вербы (в том числе освященной на Вербное воскресенье²⁸), вытесненных в говоре украинцев Боснии сербской лексемой *тасе*: *бáзька, бáзі, бáзіта, б'ирка, бóмблiні, вербляні кóтики, гусета, гусіта, зáвізок, сльóзи, хробачкi* [НРС: 44].

Происхождение лексемы *шутка* не совсем ясно и, возможно, связано с прилагательным *шутий*. Первичное значение — «ветка без листьев». Праславянское **šutъ* — безрогий, обрезанный [ЕСУМ 6: 496]. Ср. *шúта* — безрогая коза (овца) [ГГ: 222], *шúтий* — про коров, безрогая;

²⁷ *Лозá* — «Salix, прутьевидная ива» [ГГ: 114].

²⁸ Об обрядовых действиях, связанных с ними, в частности о проглатывании почешкишек, см.: [Толстой 1995: 337].

про овец, без рогов и без хвоста или с маленькими ушами [СБог 2: 392], *шутка* — ягненок [СЗГ 2: 279], *шутий* — безрогий (баран, вол, козел) [МСГГ: 230]. Сербское *шут* — безрогий, румынское *ciut* и *șut* (на западе) — безрогий, с обрезанным рогом (рогами), ухом (ушами). Слово с этим корнем присутствует в карпато-балканских языках. Общее в семантике — человек, животное или объект, у которого отсутствует одна часть тела или формы [DER]²⁹. Венгерское *suta* — «левша», «неуклюжий» — считают заимствованным из славянских языков, проникшим в венгерский через румынское посредничество [Tótfalusi]³⁰.

8.2. Последняя неделя поста — Страстная неделя (*strasná ned'íl'a* (Tr), *velykýj týžden'* (D)). С пятницы (*velyka pjátnyc'a / pjětnyc'a*) по воскресенье сторожили (*p'il'nuváty* (P), *dežúraty* (Tr)) гроб Господень (*γроб* (L), *bóžyj γr'ip* (Tr)). Выбирали стражников (*stražár* (P), *dežuránt* (Tr), ср. серб. *stražar, dežurant*), юношей в возрасте до 16 лет, которые охраняли плащаницу (*plaščynyc'a* (P), *plošč'anyc'a* (J)) и в течение дня сменяли друг друга каждые два часа. Охраняли обычно два-четыре человека (в зависимости от величины прихода) до тех пор, пока не выносили плащаницу. Это делали на утреннем богослужении, трижды обходя с плащаницей вокруг церкви. В Галиции у грекокатоликов также встречается этот обычай: в селе Плешевичи охраняют плащаницу (*плащче"ниці"а*), как правило, 6–8 парней в мундирах и с саблями (*жи'ва 'варта*). Они сменяют друг друга каждые два часа (Плешевичи (М) [ГПЗНУ 2005: 21]). Обычай сохраняется у грекокатоликов в Галиции и является отличительной чертой их традиции, т. к. он отсутствует у православных [Курочкин 2000: 417]. Обычай пасхальной стражи распространился под влиянием римокатоликов.

Вечером в четверг завязывали церковные колокола, и до воскресенья не разрешалось звонить. Во время процессии в великую пятницу дети колотили в колотушку (*kalatýt, taráxtal'ka, g'ity taráxkajut*) (Tr)³¹, которую делали специально для этого случая (особенно в западной и южнославянской католических традициях) [Агапкина 2012b: 173]. В Галиции такие колотушки называют *ка'латалк'и* (Зарудцы (Ж) [ГПЗНУ 2000: 91]), *кала'талк'и, 'бус"к'и* (Плешевичи (М) [ГПЗНУ 2005: 20]). На Пасху каждый может звонить в колокол сколько хочет (*na velygdyn' xto wšuryw s'a zvóna, xto xt'iw zvonyty, m'ix c'ilyj den' zvonyty* (Tr)). В селе Старичи звонили в колокол парни: *дзво'нили х'лопц'и* (Старичи (Я) [ГПЗНУ 2000: 63]). На Буковине звонили дети [Кожоляк 2018: 66].

³¹ <https://dexonline.ro/definitie/ciut>; last access on: 24.02.2020.

³⁰ <http://www.szokincshalo.hu/szotar/>; last access on: 24.02.2020.

³¹ *Тарáкати* — «стучать, греметь; беспрестанно говорить» [СНГ: 249], *тарáхкати, тарáхнути, тарáхкане* — «стучать, стукнуть, стук» [СБуГ: 539].

В субботу (*Velyka subóta*) вечером жгли костры, соревновались, кто зажжет самый большой (*xto zróbe b'ílšyj voγón'*) (L). Этот обычай характерен в основном для южной и западной Славии [Агапкина 2012b: 173]. В Галиции в субботу перед Пасхой жгли колеса: *коу'леса па'лили 'перед ве'ли'код'н'ими с'в'атами* (Новоселки (Б) [ГПЗНУ 2000: 117]).

8.3. Утром в воскресенье на **Пасху** (*velýgden', velýgdyn', velykóden'* (L)) все шли на службу в церковь, с собой несли заранее приготовленные корзины (*kóšyk, kóšučok, kórpa* (серб. *korpa*) (Pr)), в которых были продукты для освящения. Умение украшать корзины — отличительная черта украинцев Боснии. В корзину кладут пасхальный хлеб (паску) (*páska*), соль (*s'il'*), хрен (*xr'in, xron* (BL)), мясо (*mjásó*) (L), яйца (*jájc'i, jéjc'i* (J)), творог (*syr*), масло (*máslo*) (Hr). Сверху ее накрывают вышитым рушником и украшают барвинком (*barv'ínok*) или другими цветами. Кладут также свечку, спички (*s'arnyk'y*), нож (*n'is*). Соль затем дают скотине, овцам и свиньям (*jak májemo v'ívc'i čy svý'e'n'i, tak tróška posólyt s'i* (Pr)). По свидетельству информантов, хрен символизирует страдания Христа. Освященный на Пасху нож втыкали в землю, если приближалась непогода и громовые тучи (*w zém'l'u, dok to s'i ny uspujújít, tíji xmáry γromovú'č'i* (L) (про использование освященного ножа в народной метеорологии у волянян см.: [Пуківський 2013: 201]). Пасхальный хлеб — паску — сверху украшают цветами, выкладывают тестом крестики. Яйца красят в луковом отваре (*cybulýn'a*). Крашеные яйца называют «галунки», «крашанки», «писанки». Для некоторых собеседников эти лексемы синонимичны (*γalunk'y, a déxto káže krašank'y, a déxto káže pysank'y, i to jak de, a to w's'o odnó označáje*) (L), другие информанты приводят различия, например: писанки — крашеные вареные яйца, тогда как крашанки — крашеные сырые яйца (Tr)³². После пасхальной службы торопились домой. В Рогатине считают: кто первым придет домой после службы, тот первым закончит жатву [ГПЗНУ 2000: 147]. Информанты объясняют обычай возвращаться как можно скорее домой прагматическими причинами: все голодны и спешат на завтрак (*za velýgden' s'i γolódny, pa xútko t'ikájut do dómu*) (Tr). Традиционное пасхальное приветствие — *xrystós voskrés/vuskrés*. Утром завтракают тем, что освятили в церкви. В начале одно яйцо (*jajcé s'v'ičéne*) режут на столько частей, сколько в доме людей, чтобы семья держалась вместе (*trymáje s'i symjá kúpk'y*) (ср. то же в (Старичи (Я) [Ibid.: 63]). Скорлупу от яиц сжигают (*ta lupéna/l'úska* (серб. *ljuska*) *v'id jajéc, voná s'i k'ýdaje u voγón'*) (L), бросают на поле (на

³² В диалектных словарях: *писанка* — «розмальване великодне яйце» [НПС: 200], *галунка* — «крашанка» [Ibid.: 89; СБОГ 1: 158; СБУГ: 67], «фарбоване великодне яйце, крашанка» [ГГ: 43].

меже) либо дают курам (про скорлупу пасхальных яиц у жителей Во-лыни, Ополья, Подгорья см.: [Пуківський 2013: 203]). В селе Просьек записано, что скорлупу кладут для муравьев (*murax'ý*) на муравейник (сербы северо-восточной Боснии в Маевице крошат яйцо на муравейник [Filipović 1965: 183]). Кости из освященного мяса (*s"v'ičēna kost*) помещают у кротовой норы, считается, что тогда крот не будет больше рыть огород (*ja čuw babý^e i star'í, šo s'i v'idnése i tam pustávy i ne bde b'il'se kret ry^ew*) (Pr) (ср. [Гура 1999: 684]). Яйцо могли отнести и на могилу родственников. Одно яйцо обязательно оставляли в доме и хранили целый год. Называют его сербским словом *čuvarkuća* (*trymájec'a u xát'i, jajcé vesesút* (высосут) *iznutra, ofárbajut, ukrás'at, može lešýty s'i čéres c'ilýj r'ík*) (J), украинского аналога зафиксировано не было³³. В южнославянской традиции принято хранить первое пасхальное яйцо для защиты дома и хозяйства (серб. *стражар, чуваркућа, чуварак, страшник, чувар, чувадар, измамак, полог* [Агапкина, Белова 2012: 627–628]). На Пасху бились яйцами (*bjemó s'i*), у кого яйцо не разбилось, тот выигрывает и проходит в следующий этап игры.

8.4. На Пасху молодежь собиралась и устраивала бесчинства: *ve/yle/ýkó-dn'i zbytk'ý*. Обычно делали это в ночь с субботы на воскресенье. Могли водрузить телегу или борону на крышу дома, овина или дровника (*vis k'íns'ki, f'iru, bóronu vysážuvaly na xátu, stodólu, i na šópu*) (L). Случалось, что поднимали плуг (*plux*) на церковные ворота, снимали калитку. В Деветине рассказывали, что однажды подняли телку на крышу дома (*vysadyly jél'iwku na xátu*). Подпиливали дерево, чтобы оно упало на дорогу и утром прихожанам трудно было пройти / проехать в церковь на службу (*obórut* (серб. *oboriti*) *dúba čy ýrába na dórogi*) (L). На дороге клали провод (*dr'it*), чтобы женщины, когда утром шли в церковь, споткнулись. В Лишне ущерб наносили хозяину, у которого была на выданье дочь либо он был скупым или заносчивым. Также пачкали ручки дверей. В современных материалах из Галиции [ГПЗНУ 2000; 2005] бесчинств на Пасху не зафиксировано, в основном молодежь устраивала бесчинства на Ивана, а также на Андрея. У южных славян сведения о бесчинствах встречаются очень редко, характерны они в основном для западной (чаще всего польской) и восточнославянских традиций [Толстая 1995а: 174].

8.5. На Пасху девушки и парни собирались перед церковью, танцевали и исполняли «гайивки» (исполнение их на Западной Украине приуро-

³³ *Čuvarkuća* — досл. серб. «хранитель дома»; одно из значений — «пасхальное яйцо, которое покрасили первым» [РС]: 1490].

чено именно к пасхальным праздникам) [Харчишин 2017: 68]. Наиболее распространенной является лексема *γajíwka*, мн. ч. *γajíwk'ú*, лексема *γajílka*, мн. ч. *γajílk'ú* отмечена в Трнополе³⁴. Информанты сообщают, что было три группы молодежи: старшие, средние и младшие (*búlo try vršte d'itéj, búly najstárš'i, tudý sered'úščy, tudý mén'čy* (Hr)). Собирались они отдельно друг от друга. Молодые люди образовывали кружок (*zróbl'at kružók*), танцевали и играли. Упоминают названия следующих игр: *xlópc'i bawl'ut káiša* (серб. *kaiš*), *paská, rem'inc'á, a d'iwčáta γórščyka* (P). Пожилые люди приходили и смотрели, как исполняют песни (*vyvódyty γajíwk'ú*)³⁵. Продолжалось веселье до вечера. Информанты сообщают, что молодежь уже давно не собирается, последний раз устраивали такие сходки лет тридцать назад. В украинских материнских говорах отмечаются: *ga'új'k'u* (Старая Ропа (СТ) [ГПЗНУ 2000: 41]), *к'ликали га-ла'z'j'k'u* (Плешевичи (Я) [ГПЗНУ 2005: 21]).

8.6. Следующая после Пасхи неделя называется «светлой» (*s'vítlyj týžden'*). В понедельник (*polévanyj poned'ílok* (L), *polévanyj poned'ílok* (Tr), *obly'vnyj poned'ílok* (P)) парни старались облить девушек водой (см.: [Курочкин 2000: 419])³⁶. Раньше поливали из ведра (*s pútn'i*), сегодня поливание является символическим. Данный обряд очень широко распространен у западных славян (поляки, словаки), в сербской Воеводине, у восточных же славян встречается спорадически, в основном у западных украинцев [Агапкина 2004: 454], зафиксирован он и у русин в Остурне [Валенцова 2012: 216–217], на Буковине известен до сих пор [Кожоляно 2018: 68]. Во вторник шли на кладбище, посещали могилы родственников, шли со священником (*na svýntar pos'v'ičuvaty γrobýe*) (Pr) (так же в Галиции (Чернилява (Я) [ГПЗНУ 2005: 30])). Сегодня конкретный день посещения кладбища зависит от расписания священника. Если он не успевает посетить все кладбища за один день, то идут в другие дни; случается, что идут и на Троицу. Священник служит панихиду (*parastás*), поют *xrystós vuskrés*, а не *v'ičnaja pámn'at*. Следующее воскресенье после Пасхи называется *prov'idná / prov'idna nyd'il'a*, а также *tótyna / tótova / tómina nyd'il'a* (серб. *tomina ned(j)elja*, укр. *фомина неділя* (ср. [Кожоляно 2018: 66], *хомина* [Кілар 2017: 242]), на Теребовельщине (Тернопольская область) — *провідна / томина нид'іл'и* [Горбач 1971a: 168], *пров'ід'на не'д'іл'а* (Чернилява (Я) [ГПЗНУ 2005: 30])). Встретилось следующее толкование названия этого воскресенья: *Čo prov'idná? Móže*

³⁴ Формы *гайўка* и *гаїлка* находим в [Горбач 1971b: 155].

³⁵ Собеседники вспоминают «гайивки»: *Polet'ily dyk'i kózy pop'id zelén'i lózy, a za nýmý kozen'áta, polomály nožen'áta* (P); *Oj čýja to γúska pu vudy s'i pl'úska, a toj γusyčók do dómu vedé* (J).

³⁶ В гуцульских говорах: *поліваний понедівок* [ГГ: 153].

prov'irjáty, bo to Tómina nyg'il'a, v'in prov'irjáv rány Xrystóvy (Hr) ('Почему Проводное воскресенье? Может, проверить, потому что Фомина неделя, он проверял раны Христа').

9.0. На пятидесятый день после Пасхи отмечают **Троицу** (*zelén'i s'(')v'áta / s'(')v'éta*), *ze^ulen'i c^u'v'ama* (Рогатин (ИФ) [ГПЗНУ 2000: 130]), *ze^ulen'i c^u'v'ema* (Плешевичи (Я) [ГПЗНУ 2005: 21]). В этот день убирают и чистят все в доме (*my'jemó xátu*) (Pr). Ветками от ясеня (*jásyn'*), липы (*lý'pa*), клена (*klen*) или дуба (*dub*), разными травами украшают ворота, вход в дом, окна, крышу, застилают пол (также в церкви). Ветки деревьев оставляют на полях, в огороде (*po jidnú γ'il'áčku z lýst'um zelénoji lý'pye s'i zapxáje*) (L) (ср. [Курочкин 2000: 421]). Обычай украшать на Троицу дома, церкви и другие постройки является общеславянским [Агапкина 2012с: 320]. Для этого украинцы Боснии собирают дикие ирисы, которые растут у рек и озер. Собеседники называли этот цветок по-сербски *perúnika* (лат. *iris*)³⁷, украинский аналог не встретился (*idé s'i u dolýnu, w luγ, kólo potóka rosté roslýna, perúnika, dówγe*) (L)³⁸. Зелень в доме и в церкви убирают через неделю, до следующего воскресенья (Tr), в Лишне зелень выносили уже через три дня. Ср. данные из Галиции: *'микайум 'липоў, к'леном* (Рогатин (ИФ) [ГПЗНУ 2000: 130]), *ма'йїли* (Плешевичи (Я) [ГПЗНУ 2005: 21]). Украинцы в Боснии используют глагол *majítu* — украшать дом на Троицу, семантику которого объясняют тем, что Троица обычно выпадает на май, поэтому сам процесс так и называется: *majítu — zelén'i s'v'áta najb'ilše u m'is'ac'u majú* (L)³⁹. В селе Хрвачани на Троицу совершали процессию по селу с хоругвями и крестом (*v'id cérkvy išlá procésija pu póle*), священник обходил и освящал поля (*posv'ěščuvaw*). Освящение происходило на перекрестке (*na rozdoróžu*).

10.0. На праздник **Божьего тела** (лат. *Corpus domini*) (*bóžyogo t'íla*), который отмечается в католической церкви спустя 60 дней после Пасхи, украинцы-грекокатолики освящали травы (*z'il'a/e*) и венки (*v'ink'ý, v'inóčk'ý*), а также благословляли поля (*blagoslów pól'a*) (Pr). Православные украинцы святили венки на Троицу. После освящения их держали в доме и во время непогоды, грома и бури выносили на двор, сжигали часть и читали молитву (*vynése s'i na dv'ir da toj dym porozγan'é xmáry*) (Hr).

³⁷ *Perunika* — ирис, род ирисовых [РСХ] 4: 394].

³⁸ В Боснии ирисы (также серб. *sabljica*) часто встречаются около домов, носят их и на кладбища [Filipović 1969: 40].

³⁹ *Majiti* — «украшать цветами» [СБуг: 273], при толковании в семантике лексем выделяется и обрядовая составляющая: *majiti* — «украшать дом зеленью на Троицу» [ГГ: 118], *majiti* — «украшать зелеными ветками дом на Троицу» [СБог 1: 426], там же *май* — «зеленые ветки, которыми наряжают дом на Троицу».

Сжигать венки могли и на кухне. Сербь также плетут венки, но у них добавляется чеснок, который отгоняет ведьм, тогда как у украинцев чеснок в венки не вплетают. Спустя год венки не выкидывали, а сжигали (*ne k'ýdaje takó des', to spalýt, bo to s'v'ašćéne*) (P).

11.0. Седьмого июля отмечали **Рождество Иоанна Крестителя** (*Iván, na / za Ivána*) (07.07). В этот день нужно было встать рано, тогда на восходе можно увидеть «игру» солнца, говорили, что оно «купається», «трепещет» (*sónce s'i / s'a kupáje* (Pr), *s'i potr'ípuje* (Hr)). Рассказывали, что солнце выходит четыре раза и «купається». С купанием солнца ассоциируется и второе название праздника — *kupálo* (*sónce kupájec'a na Ivána, a totó povjázano s tym kupáлом*) (Tr). Кроме того, с этого дня разрешалось купаться в реках и озерах — до Иванова дня было запрещено, потому что солнце еще не искупалось (*dok s'a sónce ne skupáje, tud'í p'ísl'a tógo móžna kupáty s'a*) (Pr). Считалось, что купаться можно до Преображения (19.08) (*preobrážěn'a*), когда лето преобразуется в осень, и вода становится холодной (*preobrážuje s'a l'íto u wós'in', vže zýmna vodá*) (Pr). В этот день принято было украшать дом цветами. Существует поверье: если кукушка будет куковать (*zozúl'a kúkaje*) только до Иванова дня, осень будет плохой, если же до Петрова дня — теплой (*jag búde do Pétra, to búde wós'in' tépla, a jakšó do Ivána to budé počána*) (Tr). До восхода солнца шли купаться, считалось, что если умыться водой из лопухов, то будешь красивым и здоровым (*s tyx lapux'ív jak s'a umýje, búde fájnij, zdoróvyj* (D); *i tom vodóm s'i mýješ, za Ivána, i tudý dývyš s'i do són'c'a i pomólyš s'i, sónce tak potr'ípuje* (Hr)). Когда купались, пели песни и пускали веночки. В селе Стара-Дуброва девушки шли купаться на реку Укрина (серб. *Ukrina*), поливали друг друга водой. Также в этот день жгли костры: парни и девушки брались за руки и прыгали через костер (*za rúk'y s'i lapály i skakály razóm*) (J), пели песни (свидетельства о кострах в других населенных пунктах зафиксированы не были).

На Ивана Купала в Галиции плели венки (*n'leli smo 'v'in'c'i*), пускали их на воду, жгли костер (*na'лили ву'гон'*) (Старая Ропа (СТ) [ГПЗНУ 2000: 40]), собирали цветы, смотрели, куда пристал венки. Так выясняли, откуда будет жених (Крупское (Н) [Ibid.: 63]). Также украшали травами дом (*на Гвана 'тикайут 'з'ілом ха'ти*) (Рогатин (ИФ) [Ibid.: 131]), собирали росу и умывались ею (Ясеница (СТ) [ГПЗНУ 2005: 157]). Парни устраивали бесчинства (Надычи (Ж) [Ibid.: 62])⁴⁰. Смотрели на восход солнца, как оно купается (*йак ку'палос'и 'сонце"*) (Новоселки (Б) [ГПЗНУ 2000: 118]).

⁴⁰ В Боснии, где в основном все бесчинства приурочены к первому дню Пасхи, этого не фиксировалось.

12.0. О других календарных праздниках и связанных с ними обычаях удалось записать совсем мало материала. В основном речь идет о храмовых праздниках (*prázny^ek*) (*n'raznik* (Надычи (Ж)) [ГПЗНУ 2005: 62]). Например, в Прняворе престольный праздник — Преображение (19.08). На Благовещенье (*blaḡov'iščēn'a*) (07.04) и Покров Богородицы (*pokróvy*) (14.10) в церкви проходит служба. На Петра (12.07) в селах Поточани и Хрвачани жгли костры. Упоминали украинцы и про день св. Георгия (*Júre, na Júra*) (06.05), но больше — как про аналог сербского праздника *Đurđevdan*.

13.0. Традиции и лексика традиционной культуры, связанные с календарной обрядностью, у украинцев Боснии — восточнославянские. Они в основном идентичны традициям и лексике, распространенным в Галиции и отчасти — в сопредельных регионах, в западной части этнических украинских земель (например, название вечера перед Богоявлением *щедрий вечір*, наименование освященной вербы *шутка*, исполнение *гайвок* на Пасху, *обливний* понедельник). В календарной обрядности украинцев Боснии прослеживается влияние католической традиции, что фиксируется также на территории исходной миграции (например, обычай одаривать детей в день св. Николая, стража у плащаницы в последние дни Великого поста, освящение трав и венков на праздник Божьего Тела, использование колотушки в последние дни Великого поста). Отмечается некоторое влияние польской лексики, характерное еще для говоров зоны переселения (*šópka* — рождественское театрализованное представление, вертеп; *dvanájc'at jéžen'* — 12 блюд, которые готовят на Сочельник; лексема, обозначающая священника, — *ks'onc/s*).

Вместе с тем фиксируется много поверий, обрядов, обычаев и предписаний, общих для исследуемой западноукраинской традиции в Боснии и Герцеговине и окружающих ее южнославянских традиций (при этом возможно расхождение в календарной приуроченности тех или иных обрядовых действий): например, крошить пасхальное яйцо / скорлупу на муравейник, обвязывать деревья соломой после рождественских праздников, гадать о погоде по дням перед Рождеством, стелить солому в доме в сочельник, украшать дом зеленью на Троицу. Отдельные элементы народной культуры галицких украинцев и южных славян могут быть рассмотрены в рамках карпато-балканских параллелей. Сюда следует отнести название первого гостя *полазник*, наименование вербы с использованием корня *šut-, звукоподражание птице в Сочельник, так называемая игра «*кусаць калиту*» на Андрея у украинцев и (*h*)/*lamkanje* на Пасху у южных славян.

В целом влияние соседних южнославянских традиций и языков затронуло календарную обрядность украинцев в незначительной степени, что,

возможно, объясняется относительно недавним переселением украинцев на территорию Боснии и Герцеговины (чуть более века назад). Касается это влияние в основном языковой сферы (обозначение предметов повседневного быта и некоторых природных объектов и явлений), а также новых традиций. Из обычаев это, вероятнее всего, установка рождественского дерева — *krizban*, персонаж *krampus*, который сопровождает св. Николая, название первого освященного яйца, которое хранят целый год *čuvarkuša*, обычай сеять в горшочке пшеницу перед Рождеством и по всходам гадать об урожае. Из устоявшихся заимствований следует отметить также *mase*, *mačice* (почки на освященной вербе), *perunika* (ирисы, которыми застилали пол на Троицу), *stražar*, *dežurant* (те, кто сторожат плащаницу перед Пасхой), *kokodakanje*, *pjukanje* (звукоподражание птице в Сочельник), *vrba* (освященная верба), *dinar* (деньги, которые дают / давали колядующим, бросали в солому в Сочельник). Сюда же можно добавить названия пищи, ставшей обрядовой (*sarma* — одно из главных блюд на престольном празднике в церкви Прнявора; слово *kolač* используется в значении «пирожное» (серб. *kolač*)). Вероятно, сербский язык способствовал и повсеместному использованию формы имени *Andrej*, в том числе в названии праздника. Сербский язык, несомненно, повлиял на использование предлога *za* во временной конструкции (в календарной обрядности — при маркировании временной привязки обычая / обряда), тогда как на территории исходного проживания она не зафиксирована (*za Andréja*, *za novýj r'ik*, *za r'izdvó* и т. д.). Следует отметить, что, хотя украинская диаспора не слишком многочисленная и в Боснии проживает на достаточно компактной территории, в календарной обрядности (как и в языке) у разных ее представителей наблюдаются различия. Так, в Прняворе была известна лексема *kut'á*, а в селах Деветина, Хрвачани говорили *pšenyč'a*; в селе Хрвачани костры устраивали в субботу перед Пасхой, в Лишне — на Петра; в Трнополе колядующие не заходят в дом, а в окрестностях Прнявора принято было заходить. Обусловлены такие расхождения могут быть разными зонам миграции, тогда как на новой территории представители разных микролокальных традиций и диалектов часто смешивались, образуя переселенческое сообщество.

В других случаях скорее следует говорить о дублетности наименований, в речи информанты часто приводят наравне с украинским названием сербское, осуществляя так называемую стратегию дублирования: *na zelén'i s'v'áta*, *na dúxove* (Hr). Связано это с актуализацией лексемы в речи в конкретный момент, при этом заметны колебания информанта, что проявляется в метаязыковых высказываниях. Например, наряду со словосочетанием *velekódn'i zbytk'y* зафиксировано *úskršn'i zbytk'y* (серб. *uskrs*). В целом лексика отражает состояние исходного говора переселенцев, локализуемого в исторической области Галиция.

Сокращения

- Б – Бусский р-н Львовской обл.
 Ж – Жолковский р-н Львовской обл.
 ЖД – Жидачовский р-н Львовской обл.
 ИФ – Ивано-Франковская обл.
 М – Мостиский р-н Львовской обл.
 П – Пустомытовский р-н Львовской обл.
 С – Сокальский р-н Львовской обл.
 СК – Сколевский р-н Львовской обл.
 СТ – Старосамборский р-н Львовской обл.
 СТР – Стрыйский р-н Львовской обл.
 Т – Турковский р-н Львовской обл.
 Я – Яворовский р-н Львовской обл.
 ЯР – Ярославский повят Подкарпатского воеводства (Польша)

- VL – Бая-Лука
 D – Деветина
 Нг – Хрвачани
 J – Яблан
 L – Лишня
 P – Прнявор
 Pr – Просьек
 Tr – Трнополе

Литература и источники

Агапкина 1992

Агапкина Т. А., Великопостная обрядность в традиционном календаре славянских народов, *Образ мира в слове и ритуале. Балканские чтения-1*, Москва, 1992, 74–93.

——— 2004

Агапкина Т. А., Обливанный понедельник, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 3, Москва, 2004, 454–455.

——— 2012a

Агапкина Т. А., Сретенье, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 5, Москва, 2012, 152–155.

——— 2012b

Агапкина Т. А., Страстная неделя, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 5, Москва, 2012, 172–175.

——— 2012c

Агапкина Т. А., Троица, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 5, Москва, 2012, 320–325.

Агапкина, Белова 2012

Агапкина Т. А., Белова О. В., Яйцо пасхальное, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 5, Москва, 2012, 626–632.

Белова 1999

Белова О. В., Коза, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 2, Москва, 1999, 522–524.

——— 2012

Белова О. В., Солома, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 5, Москва, 2012, 106–113.

Белова, Седакова 2009

Белова О. В., Седакова И. А., Свеча, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 4, Москва, 2009, 567–573.

Біляковський 2012

Біляковський П., Різдва-Стрітенський цикл погодних передбачень в народному календарі українців Карпат, *Народознавчі зошити*, 4 (106), 2012, 634–642.

Бушкевич 2012

Бушкевич С. П., Птицеводство, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 5, Москва, 2012, 339–345.

Валенцова 2004

Валенцова М. М., Кутья, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 3, Москва, 2004, 69–71.

——— 2012

Валенцова М. М., Календарная обрядность в с. Остурня словацкого Замагурья, *Карпато-балканский ландшафт: язык и культура. 2012–2014*, 3, Москва, 2012, 199–222.

Валенцова, Узенева 2004

Валенцова М. М., Узенева Е. С., Никола Зимний, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 3, Москва, 2004, 396–398.

Ващенко 2018

Ващенко Д. Ю., День Св. Люции в традиции градишанскохорватских и венгерских сел Западной Венгрии, *Живая старина*, 4 (100), 2018, 9–13.

Виноградова 1995a

Виноградова Л. Н., Вода, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 1, Москва, 1995, 386–390.

——— 1995b

Виноградова Л. Н., Гадание, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 1, Москва, 1995, 482–486.

Виноградова, Плотникова 2004

Виноградова Л. Н., Плотникова А. А., Новый год, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 3, Москва, 2004, 415–419.

——— 2012

Виноградова Л. Н., Плотникова А. А., Сочельник рождественский, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 5, Москва, 2012, 145–150.

Виноградова, Толстая 1995

Виноградова Л. Н., Толстая С. М., Андрей, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 1, Москва, 1995, 109–111.

Врањеш et al. 2017

Врањеш Р., Зеџ А., Мандић Д., Радић Б., Сибиновић В., Станковић Б., ред., *Попис становништва, домаћинства и станова у Републици Српској 2013. године. Етничка / национална припадност, вјероисповјест и матерњи језик*, Бања Лука, 2017.

ГГ

Гуцульські говірки. Короткий словник, Львів, 1997.

Глушко 2016

Глушко М., Традиційні звичаї та обряди свят-вечора українців Надсяння, *Народознавчі зошити*, 6 (132), 2016, 1320–1330.

Горбаль 2012

Горбаль М., «Дідух» («Дід»), кутья в різдвяній обрядовості Лемківщини. Типологія та семантика, *Народознавчі зошити*, 2 (104), 2012, 218–226.

Горбач 1965

Горбач О., Північно-наддністрянська говірка й діалектний словник с. Романів Львівської області, *Відбитка з «Наукових Записок» Українського Технічно-Господарського Інституту в Мюнхені*, 8 (10), Мюнхен, 1965, 1–103.

Горбач 1971

Горбач О., Говірки й словник діалектної лексики Теробовельщини, *Відбитки з «Наукових Записок» Українського Технічно-Господарського Інституту*, Мюнхен, 19, 1971, 47–182, 20, 1971, 148–194.

ГПЗНУ 2000

Говірки південно-західного наріччя української мови. Збірник текстів, упоряд. Н. М. Глібчук, Львів, 2000.

——— 2005

Українські говірки південно-західного наріччя. Тексти, упоряд. Н. М. Глібчук, Львів, 2005.

Гриценко 2004

Гриценко П. Ю., Наддністрянський говір, *Українська мова. Енциклопедія*, Київ, 2004, 387–388.

Гура 1999

Гура А. В., Крот, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 2, Москва, 1999, 682–685.

Далмація 2004

Далмація С., *Речник говора Поткозарја*, Бања Лука, 2004.

Дрљача 1985

Дрљача Д., *Колонизација и живот Пољака у југословенским земљама од краја 19. до половине 20. столећа*, Београд, 1985.

Дуличенко 2017

Дуличенко А. Д., Малые славянские литературные языки (микроязыки), *Славянские языки. Языки мира*, С.-Петербург, 2017, 625–645.

ЕСУМ, 1–6

Етимологічний словник української мови, 1–6, Київ, 1982–2012.

Касаткин 2008

Касаткин Л. Л., Русский говор села Татарница в Болгарии, *Русские старообрядцы: язык, культура, история. Сборник статей к XIV Международному съезду славистов*, Москва, 2008, 116–139.

Кілар 2017

Кілар А., Поминальні мотиви в календарній обрядовості українців Покуття (на матеріалах із Городенківського та Снятинського р-ів.), *Народознавчі зошити*, 1 (133), 2017, 234–245.

Кожолянко 2018

Кожолянко О., Пасхальні (великодні) обряди на Буковині, *Народознавчі зошити*, 1 (139), 2018, 65–69.

Копержинський 1929

Копержинський К., Календар народньої обрядовості новорічного циклу, *Первісне громадянство та його пережитки на Україні*, 3, 1929, 14–98.

Курочкин 2000

Курочкин А. В., Календарные обычаи и обряды, *Украинцы*, Москва, 2000, 391–430.

Медар-Тањага, Мишлички 2007

Медар-Тањага И., Мишлички Т., Антропогеографско и етнолошко проучавање украјинског насеља Деветина, *Међународни научни скуп «Србија и Република Српска у регионалним и глобалним процесима»*, Требиње, 2007, 511–518.

Мишлицьки 2008

Мишлицьки Т., *Українська насеља у јужном Поткозарју*, Бања Лука, 2008.

Мовна 2014

Мовна У., Український різдвяно-водохресний обрядовий текст: воскова свічка, *Народознавчі зошити*, 2 (116), 2014, 236–249.

МСГГ

Піпаш Ю., Галаш Б., *Матеріали до словника гуцульських говірок. Косівська Поляна і Росішка Рахівського району Закарпатської області*, Ужгород, 2005.

НРС

Шило Г., *Надністрянський регіональний словник*, Львів, Нью-Йорк, 2008.

Пилипенко 2016

Пилипенко Г. П., Украинский остров в Боснии и Герцеговине: полевое исследование языка и культуры, *Лицеум: часопис за студије књижевности и културе*, 22 /17, 2016, 89–98.

——— 2017

Пилипенко Г. П., Свадебные обряды у украинцев Боснии и Герцеговины, *Живая старина*, 4 (96), 2017, 29–32.

——— 2019

Пилипенко Г. П., Фонетическая характеристика украинского говора Боснии и Герцеговины, *Вестник славянских культур*, 52, 2019, 199–217.

Плотникова 2004

Плотникова А. А., *Этнолингвистическая география Южной Славии*, Москва, 2004.

——— 2016

Плотникова А. А., *Славянские островные ареалы, архаика и инновации*, Москва, 2016.

ПМА

ПМА – Полевые материалы автора

Пуківський 2013

Пуківський Ю., Звичаї та повір'я українців Волині, пов'язані з церковною службою на Великдень, *Народознавчі зошити*, 2 (110), 2013, 200–211.

РСЈ

Речник српскога језика, Нови Сад, 2011.

РСХЈ, 1–6

Речник српскохрватскога књижевног језика, 1–3, Нови Сад, Загреб, 4–6, Нови Сад, 1967–1976.

Румянцев 2008

Румянцев О., *Галичина-Боснія-Воєводина: Українські переселенці з Галичини на території югославських народів в 1890–1990 роках*, Київ, 2008.

Самотіс 2014

Самотіс Я., Традиційна великодня обрядовість буковинських гуцулів (на матеріалах етнографічних експедицій), *Народознавчі зошити*, 1 (115), 2014, 103–113.

СБог, 1-2

Онишкевич М. Й., *Словник бойківських говірок*, 1–2, Київ, 1984.

СБуГ

Словник буковинських говірок, Чернівці, 2005.

СЗГ, 1-2

Аркушин Г. Л., *Словник західнополіських говірок*, 1–2, Луцьк, 2000.

Седакова 1995

Седакова И. А., Дед, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 1, Москва, 1995, 41–43.

——— 2008

Седакова И. А., Русская речь в балканском окружении, *Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой*, Москва, 2008, 202–222.

Серебрякова 2015

Серебрякова О., «Андрію, Андрію, я коноплі сію: дай ми, боже, знати, з ким їх буду брати» (мантичний звичай «засівання конопель»: семантика, символіка, функції), *Народознавчі зошити*, 5 (125), 2015, 1034–1044.

——— 2018

Серебрякова О., Ритуальне застосування води у різдвяно-водохресній обрядовості жителів Покуття, *Народознавчі зошити*, 3 (141), 2018, 577–585.

Скрипник 2000

Скрипник А. А., Народные верования, *Украинцы*, Москва, 2000, 431–446.

СУМ, 1–11

Словник української мови, 1–11, Київ, 1970–1980.

Терновская 1995

Терновская О. А., Блоха, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 1, Москва, 1995, 196–197.

Токар 1991

Токар Т. Я., До питання розвитку лексики українських острівних говірок Боснії, *Дослідження з української діалектології*, Київ, 1991, 140–151.

——— 2004

Токар Т. Я., Українська мова в Сербії, Боснії і Герцеговині, Хорватії, *Українська мова. Енциклопедія*, Київ, 2004, 731.

Толстая 1995a

Толстая С. М., Бесчинства, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 1, Москва, 1995, 171–175.

——— 1995b

Толстая С. М., Введение, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 1, Москва, 1995, 293.

——— 2004

Толстая С. М., Метеорология народная, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 3, Москва, 2004, 248–252.

Толстой 1995

Толстой Н. И., Вербное воскресенье, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 1, Москва, 1995, 336–338.

Топорков 2004

Топорков А. Л., Ложка, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 3, Москва, 2004, 129–134.

Узенева 2007

Узенева Е. С., Старообрядцы в Болгарии, *Живая старина*, 3, 2007, 24–26.

Усачева 2008

Усачева В. В., *Магия слова и действия в народной культуре славян*, Москва, 2008.

——— 2009

Усачева В. В., Пшеница, *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 4, Москва, 2009, 373–377.

Харчишин 2017

Харчишин О., Календарно-обрядовий фольклор Покуття: тяглість та змінність традиції, *Народознавчі зошити*, 1 (133), 2017, 61–74.

Boychuk 1997

Boychuk V., *Vivady — wedding songs of Ukrainians from Bosnia* (A thesis submitted to the Faculty of Graduate Studies and Research in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in Ukrainian Folklore University of Alberta, Edmonton, 1997).

Braica 2014

Braica S., Božični običaji, *Etnologia Dalmatica*, 13, Split, 2014, 5–26.

HJP

Hrvatski jezični portal (<http://hjp.znanje.hr/>).

DER

Ciorănescu A., *Dicționarul etimologic al limbii române*, 2nd ed., București, 2001.

Dragić 2009

Dragić M., Sveti Nikola u hrvatskoj katoličkoj, tradicijskoj i filološkoj baštini, *Hum*, 5, 2009, 35–57.

Filipović 1962

Filipović M., *Prilozi etnološkom proučavanju severo-istočne Bosne*, Sarajevo, 1962.

——— 1969

Filipović M., *Majeвица. S osobitim obzirom na etničku prošlost i etničke osobine majevičkih Srba*, Sarajevo, 1969.

Gregorič 2014

Gregorič J., *Kostelski slovar*, Ljubljana-Kostel, 2014.

MENSz

Tótfalusi I., *Magyar etimológiai nagyszótár*, Budapest, 2001.

Pilipenko 2018

Pilipenko G. P., The Ukrainian Language in Argentina and Paraguay as an Identity Marker, *Slověne*, 1, 2018, 282–307.

Štebih Golub 2010

Štebih Golub B., *Germanizmi u kajkavskome jeziku*, Zagreb, 2010.

Vasilijević 2017

Vasilijević D., The current state and prospects of Ukrainian as a heritage language in elementary schools of Republika Srpska, *Minority languages in education and language learning: challenges and new perspectives*, Belgrade, 2017, 163–182.

References

Agapkina T. A., Belova O. V., Iaitso paskhal'noe, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 5, Moscow, 2012, 626–632.

Agapkina T. A., Oblivnnyi ponedel'nik, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 3, Moscow, 2004, 454–455.

Agapkina T. A., Sreten'e, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 5, Moscow, 2012, 152–155.

Agapkina T. A., Strastnaia nedelia, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 5, Moscow, 2012, 172–175.

Agapkina T. A., Troitsa, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 5, Moscow, 2012, 320–325.

Agapkina T. A., Velikopostnaia obriadnost' v traditsionnom kalendare slavianskikh narodov, *Obraz mira v slove i rituale. Balkanskie chteniia-1*, Moscow, 1992, 74–93.

Belova O. V., Koza, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 2, Moscow, 1999, 522–524.

Belova O. V., Sedakova I. A., Svecha, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 4, Moscow, 2009, 567–573.

Belova O. V., Soloma, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 5, Moscow, 2012, 106–113.

Biliakovskiy P., On Christmas-Candlemas cycle of weather forecasts in Carpathian Ukrainians' traditional folk calendar, *The Ethnology Notebooks*, 4 (106), 2012, 634–642.

Braica S., Božični običaji, *Etnologia Dalmatica*, 13, Split, 2014, 5–26.

Bushkevich S. P., Ptitsevodstvo, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 5, Moscow, 2012, 339–345.

Dalmacija S., *Rečnik govora Potkozarja*, Banja Luka, 2004.

Dragić M., Sveti Nikola u hrvatskoj katoličkoj, tradicijskoj i filološkoj baštini, *Hum*, 5, 2009, 35–57.

Drljača D., *Kolonizacija i život Poljaka u jugoslovenskim zemljama od kraja 19. do polovine 20. stoleća*, Beograd, 1985.

Duličenko A. D., Minor Slavic literary languages (micro-languages), *Languages of the World: Slavic Languages*, St. Petersburg, 2017, 625–645.

Filipović M., *Majevica. S osobitim obzirom na etničku prošlost i etničke osobine majevičkih Srba*, Sarajevo, 1969.

Filipović M., *Prilozi etnološkom proučavanju sero-istočne Bosne*, Sarajevo, 1962.

Gura A.V., Krot, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 2, Moscow, 1999, 682–685.

Hlushko M., The Christmas Eve traditional customs and rites of Ukrainians of Nadsiania, *The Ethnology Notebooks*, 6 (132), 2016, 1320–1330.

Horbach O., Hovirky i slovyk diialektnoi lek-syky Terebovel'shchyny, *Vidbytky z «Naukovykh Zapysok» Ukrains'koho Tekhnichno-Hospodars'koho Instytutu*, 19–20, Munich, 1971, 47–182, 148–194.

Horbach O., Pivnichno-naddnistrians'ka hovirka i diialektnyi slovyk s. Romaniv L'vivs'koi oblasti, *Vidbytky z «Naukovykh Zapysok» Ukrains'koho Tekhnichno-Hospodars'koho Instytutu v Miunkheni*, 8 (10), Munich, 1965, 1–103.

Horbal' M., Didukh (Forefather) and kutya in Christmas rityalism of Lemko Land. Typology and semantics, *The Ethnology Notebooks*, 2 (104), 2012, 218–226.

Hrytsenko P. Yu., Naddnistrians'kyi hovir, *Ukrains'ka mova. Entsiklopediia*, Kiev, 2004, 387–388.

Kasatkin L. L., Russkii govor sela Tataritsa v Bolgarii, *Russkie staroobriady: iazyk, kul'tura, istoriia. Sbornik statei k XIV Mezhdunarodnomu s"ezdu slavistov*, Moscow, 2008, 116–139.

Kharchysyn O., The calendar ceremonial folklore of Pokuttia: tradition's continuity and variability, *The Ethnology Notebooks*, 1 (133), 2017, 61–74.

Kilar A., Memorial motifs in the calendar rituality of Pokuttia's Ukrainians (on the base of data's from Horodenka and Sniatyn districts), *The Ethnology Notebooks*, 1 (133), 2017, 234–245.

Kozholianko O., Easter Ceremonies at Bukovyna, *The Ethnology Notebooks*, 1 (139), 2018, 65–69.

Koperzhynskyi K., Kalendar narod'oi obriadovosti novorichnoho tsykladu, *Pervisne hromadianstvo ta ioho Perezhytky na Ukraini*, 3, 1929, 14–98.

Kurochkin A. V., Kalendarnye obychai i obriady, *Ukrainsky*, Moscow, 2000, 391–430.

Medar-Tanjga I., Mišlicki T., Antropogeografsko i etnološko proučavanje ukrajinskog naselja Devetina, *Međunarodni naučni skup «Srbija i Republika Srpska u regionalnim i globalnim procesima»*, Trebinje, 2007, 511–518.

Mišlicki T., *Ukrajinska naselja u južnom Potkozarju*, Banja Luka, 2008.

Movna U., Wax candle as Ukrainian Christmas and Epiphany ritualistic text, *The Ethnology Notebooks*, 2 (116), 2014, 236–249.

Pilipenko G. P., Phonetic Description of the Ukrainian Dialect in Bosnia and Herzegovina, *Bulletin of Slavic Cultures*, 52, 2019, 199–217.

Pilipenko G. P., Svadebnye obriady u ukraintsev Bosnii i Gertsegoviny, *Zhivaia starina*, 4 (96), 2017, 29–32.

Pilipenko G. P., The Ukrainian Enclave in Bosnia and Herzegovina: the Field Research of the Language and Culture, *Liceum: journal for literary and cultural studies*, 22 /17, 2016, 89–98.

Pilipenko G. P., The Ukrainian Language in Argentina and Paraguay as an Identity Marker, *Slovene*, 1, 2018, 282–307.

Plotnikova A. A., *Etnolingvističeskaia geografiia Iuzhnoi Slavii*, Moscow, 2004.

Plotnikova A. A., *Slavianskie ostrovnye arealy, arkhaika i innovatsii*, Moscow, 2016.

Pukivsky Yu., On Volhynian Ukrainians' customs and beliefs connected with church Easter service, *The Ethnology Notebooks*, 2 (110), 2013, 200–211.

Rumiantsev O., *Halychyna-Bosniia-Voievodyna: Ukrains'ki pereselentsi z Halychyny na terytorii iuhoslav's'kykh narodiv v 1890–1990 rokakh*, Kiev, 2008.

Samotis Ya., On traditional Easter rites of Bukovina Huzuls (after materials of ethnographic expeditions), *The Ethnology Notebooks*, 1 (115), 2014, 103–113.

Sedakova I. A., *Ded, Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 1, Moscow, 1995, 41–43.

Sedakova I. A., Russkaia rech' v balkanskom okruženii, *Karpato-balkanski diialektnyi landshaft: Iazyk i kul'tura. Pamiati Galiny Petrovny Klepikovoi*, Moscow, 2008, 202–222.

Serebryakova O., «Andrew, Andrew, I'm sowing the hemp: God, let me know, with whom it will be gathered» (divination rite of «sowing hemp»: semantics, symbolics, functions), *The Ethnology Notebooks*, 5 (125), 2015, 1034–1044.

Serebryakova O., Ritual use of water in Christmas and Epiphany rituality of Pokuttia dwellers, *The Ethnology Notebooks*, 3 (141), 2018, 577–585.

Skripnik A. A., Narodnye verovanii, *Ukrainsky*, Moscow, 2000, 431–446.

Štebih Golub B., *Germanizmi u kajkavskome jeziku*, Zagreb, 2010.

Ternovskaia O. A., Blokha, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 1, Moscow, 1995, 196–197.

Tokar T. Ia., Do pytannia rozvytku lek-syky ukrains'kykh ostrivnykh hovirok Bosnii, *Doslidzhennia z ukrains'koi dialektolohii*, Kiev, 1991, 140–151.

Tokar T. Ia., Ukrains'ka mova v Srbii, Bosnii i Hertsehovyni, Khorvatii, *Ukrains'ka mova. Entsiklopediia*, Kiev, 2004, 731.

- Tolstaya S. M., Beschinstva, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 1, Moscow, 1995, 171–175.
- Tolstaya S. M., Meteorologija narodnaia, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 3, Moscow, 2004, 248–252.
- Tolstaya S. M., Vvedenie, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 1, Moscow, 1995, 293.
- Tolstoi N. I., Verboe voskresen'e, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 1, Moscow, 1995, 336–338.
- Toporkov A. L., Lozhka, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 3, Moscow, 2004, 129–134.
- Usacheva V. V., *Magiia slova i deistviia v narodnoi kul'ture slavian*, Moscow, 2008.
- Usacheva V. V., Pshenitsa, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 4, Moscow, 2009, 373–377.
- Uzeneva E. S., Staroobriadtsy v Bolgarii, *Zhivaia starina*, 3, 2007, 24–26.
- Valentsova M. M., Kalendarnaia obriadnost'v s. Osturnia slovatskogo Zamagur'ia, *Karpato-balkanskii landschaft: iazyk i kul'tura. 2012–2014*, 3, Moscow, 2012, 199–222.
- Valentsova M. M., Kut'ia, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 3, Moscow, 2004, 69–71.
- Valentsova M. M., Uzeneva E. S., Nikola Zimnii, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 3, Moscow, 2004, 396–398.
- Vashchenko D. Yu., Den' Sv. Liutsii v traditsii gradishchanskokhorvatskikh i vengerskikh sel Zapadnoi Vengrii, *Zhivaia starina*, 4 (100), 2018, 9–13.
- Vasilijević D., The current state and prospects of Ukrainian as a heritage language in elementary schools of Republika Srpska, *Minority languages in education and language learning: challenges and new perspectives*, Belgrade, 2017, 163–182.
- Vinogradova L. N., Gadanie, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 1, Moscow, 1995, 482–486.
- Vinogradova L. N., Plotnikova A. A., Novyi god, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 3, Moscow, 2004, 415–419.
- Vinogradova L. N., Plotnikova A. A., Sochel'nik rozhdestvenskii, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 5, Moscow, 2012, 145–150.
- Vinogradova L. N., Tolstaya S. M., Andrei, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 1, Moscow, 1995, 109–111.
- Vinogradova L. N., Voda, *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 1, Moscow, 1995, 386–390.

Пилипенко Глеб Петрович, кандидат филологических наук
старший научный сотрудник Отдела славянского языкознания
Института славяноведения Российской академии наук (ИнСлав РАН)
119991, Москва, Ленинский проспект 32-А
Россия / Russia
glebpilipenko@mail.ru

Received March 2, 2020